

Антон НЕЧАЕВ

ЭСМА

Белые тела арабских девушек, нежные, холеные, вдалеке на фоне залитого солнцем моря, словно маленькие рассыпавшиеся облака; зеленые зонтики, бело-зеленые купальники, черные иногда, иногда цвета морской волны, чтобы в этой волне теряться. «Это светские, — соображает Антонов, — либо христианки. Традиционно религиозные не позволят себе разгуливать почти голышом по пляжу. А Эсма? Она не сторонница ритуалов, но невозможно ее представить здесь, среди этих веселых, открытых тел, в желтом горячем песке плечи, колени, ляжки, а мальчишки откуда-то из глубины огороженной для плавания зоны орут визгливыми голосами, зовут играть. Эсма наверняка дома с книжкой или помогает родителям по хозяйству, хотя откуда мне знать, чем занята эта строгая неприступная девушка?»

Не встретишь ее и в Файселе, гигантском супермаркете, куда за покупками съезжаются со всех городов севера, тридцать, сорок, шестьдесят касс стучат, перекрикиваются, смеются, девушки в хиджабах, редко в никабах сноровисты, вежливы; а покупательницы, именно ради них и приходит Антонов, в остальном ненавидящий супермаркеты, разодеты, вернее, почти раздеты, в сопровождении мужчин, что их нисколько не охлаждает, загорелые ноги, жаркие обнаженные животы, гладкие смуглые плечи, изгиб шей, звон дорогих украшений — живой журнал неподдельной эротики, без игр фотошопа, без пошлого глянца, не завернутый в банальный гламур. Антонов рассматривает их осторожно, боясь вызвать гнев их спутников, не глядя кидает в корзину яблоки, черемойю, гранат — что попадает под руку — и, пробираясь к кассам, выбирает очередь с наибольшим количеством сексапильных арабов и уже час, иногда полтора стоит рядом с ними, в полуметре от их роскошных грудей, животов, бедер, вдыхая их душный запах, их специфические, густые духи, от которых у него кружится голова, замирает дыхание, и сердце вот-вот выпадет из груди в корзинку, ляжет рядом с яблоками, гранатами, черемойей, и девушка в хиджабе на кассе равнодушно положит его на весы и назовет цену.

Арабские семьи поедут домой на удобных автомобилях, а Антонов с сумкой-тележкой поплетется вдоль трассы в крошечной тьме, в каждой лежащей на пути ветке подозревая змею, в каждом шуршании кустика вдоль обочины слыша бешеного шакала.

Дома, в светлой квартире, в многоэтажке, недалеко от оливковых рощ, ждет Антонова Таня, готовит свинину в фольге, которую они вместе недавно купили у католиков в Милии.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Антонов в лавке. — Я плачу за мясо, — остановил Антонов Татьяну, достававшую кошелек. Подруга удивленно вскинула бровь, в ожидании пояснений: с некоторых пор ее мужчина прекратил оплачивать продукты. — Здесь я заплачу, — только и повторил Антонов, положив купюры на скользкий влажный прилавок.

Перед местными мужиками стыдно, решила Татьяна, они не поймут, если женщина заплатит за мясо. С легким презрением она осмотрела широкую спину Антонова, розовую проплешину, пухлые щеки, заметные из-за спины. «Толстячок ты мой скупердяйский, — хмыкнула про себя Таня. — Неумеха, вредина».

Ей сразу припомнились многочисленные грехи Антонова, конфузы, неловкие ситуации, в которые, мало того, что он сам попадал регулярно, так частенько затаскивал и других. Вспомнить хотя бы то наводнение на новой квартире в первую неделю их проживания, когда прорвало трубу на кухне, Таня звонила ему на работу, а он, как обычно, долго не подходил, но это, допустим, работает он физически, еще

одна причина позора, ни на что больше не годен, в офисах сидеть, языки, айти — ничего не умеет и никуда не сгодился, даром что на родине двадцать лет проработал в культуре, так и культуры-то нет, ни профессии, ни стремлений, пробездельничал половину жизни, прошлялся по ресторанам, по девкам да по конференциям, остатки мозга пропил. Наконец, ответил, не прошло и двадцать минут, кухня уже вся в жижке, ошметках картофельных, луковой кожуре, и все это плавает, перекачивается маленьким Средиземным морем, и дочка Таня, ручки по локоть в жирной склизкой воде, заливается от души, ей все приключение, а Данечка в комнате, его не дозовешься помочь вытирать, дырку закупорить тряпками, все сама, а у него в телефоне голоса приятные девичьи, и он любезничает, дурак дураком, а язык освоил, бабам комплименты говорить его всегда хватит, на любом языке первое, что он учит — слова ласковые, скотина, куда ему до моих потоков.

— Вызови кого-нибудь, или я из дома сейчас уйду, и пусть все этажи зальет, мне плевать. Или же сам приходи, чини, что-нибудь делай, погибаем мы здесь.

— Солнышко мое, ты же знаешь, я ничего этого не умею, сейчас я посмотрю на сайте мэрии или в фейсбуке, там какие-то объявления были. Подожди минутку, дорогая моя, сейчас все решим.

Вот такой он всегда: обходительный, обтекаемый, готовый помочь, хотя сам, собственно, ничего не умеет. Но слесаря вызвал и сам примчался через сорок минут, бросил девок своих на работе, заходит, а сантехник уже закончил, руки вытирает о кухонное полотенце.

— Я квартиру эту хорошо знаю, — говорит инсталлятор, — тут парень до вас с девчонкой жил, замок во входной двери у них разболтался, так и не поменяли, хотя я предупреждал их тысячу раз, здесь с этим не шутят, замок вообще у них ненадежный, а тем более еле держится, для любого вора — подарок, хотите, у меня личинка с собой, инструмент только в машине, сами сумеете вставить, делов-то на полторы минуты?

Антонов мотает головой, отказывается, даже не хочет вникать:

— Ты уж сам, дорогуша, ладно, а мы заплатим.

Слесарь сочувственно смотрит на Таню, такая красивая и за безрукого вышла, зачем тебе это счастье, девочка? Спустя минуту он возвращается с инструментом, еще спустя тридцать секунд новая личинка в замке, Антонов протягивает сотню.

— А с сантехникой не шутите, — напоследок закидывает рекомендациями мужик, — все эти трубы у вас менять надо, я пришлю вам фотографию, какие вам надо купить.

Антонов не слышит, он уже в комнате, в ожидании ужина настраивает гитару, чтобы чуть-чуть поорать — так он снимает стресс. Таня выпроваживает слесаря самостоятельно, будто случайно мужчина гладит ее по плечу:

— Телефон мой у тебя есть, если что понадобится — звони.

Дон-Жуан сантехнический.

Из-за двери спальни раздалась звучные аккорды: Антонов подключил усилитель. Сейчас начнет выть, подумала Таня. Хорошо, что слесарь ушел. Низы больно ударили по перепонкам, динамик фонило. «И я гоняю в дальнбой, а Серый стропалем, три пацанки на двоих да один сынок», — заревел на весь дом голос любимого. Песенку эту Антонов подцепил у Марченко в машине, когда тот возил его на работу в течение месяца. Марченко же и разъяснил Антохе, кто такие стропали, а заодно и о понятии «плечевая» поведаль. Ни о чем таком Антонов слыхом не слыхивал.

— Я не могу это больше терпеть, — из комнаты вылетает рассерженный Данечка, — почему я должен слушать эту тарабарщину? Он мешает мне учиться, у меня плохие отметки, из-за этого ты на меня кричишь. Угони его, пожалуйста, мама, купи ему виски или выруби электричество, я не знаю, но этот ежедневный вой невыносим. Восемнадцатилетний парень вот-вот грохнется в обморок от гнева и возмущения.

— Я скажу ему, — пытается успокоить мальчишку мать, — но и ты тоже хорош. Он занимался с тобой языком, математикой, проверял твою домашку, пока ты не заявил, что тебя чересчур контролируют и что ты достаточно взрослый, чтобы отвечать за свою учебу. С тех пор ты и учишься хуже, и у Антона появилось свободное время, вот он и поет.

— Поет? — захлебываясь от негодования, возопил мальчик. — Это ты называешь пением?

— Я уже молчу о том, — Таня намеренно игнорировала филиппики сына, — что из-за вас, из-за тебя и Танюши, он больше не дает мне денег на продукты.

— А мы-то тут при чем? — изумился Данечка.

— Он же предупреждал неоднократно, чтобы вы не выбрасывали еду с тарелок.

— И что, нам надо было давиться пищей, которая нам не по вкусу? И умереть, возможно, от отравления. Так более правильно, по-твоему?

Мама взглянула на сына укоризненно мягко:

— Ты так-то уж не хами. Это от моей еды ты отравиться боишься?

— В общем, успокой его, наконец, эти вопли мешают мне думать. Мне будущее необходимо планировать, а с вашей самостоятельностью я себя даже в завтрашнем дне не вижу, — Данечка убегает, хлопает дверью. — Иначе я буду жаловаться в органы ювенальной юстиции, — слышен из-за двери голос ребенка.

Таня разводит руками: ну как их всех примирить. И какое дело Антонову до ювенальной юстиции: дети-то не его. С ним только заикнись о чем-то подобном — он еще громче музыку свою орать будет, лишь бы детишек забрали.

— Это Эсма, — просто сказал Славик, подведя к Антонову стройную высокую девушку в джинсах и черном платке. Хиджаб? — Вам придется некоторое время поработать вместе, — продолжил Славик, — расскажи им тут все.

Им? Рядом с Эсмой стояли еще две девушки, Антонов только сейчас их заметил.

— Садитесь, пожалуйста, — как можно более мягко произнес Антонов.

— Да, я забыл представить, — вернулся Славик, — это Антонов, наш весельчак, любит песни петь во время работы. Знаете такого певца Антонова? Так это не он.

Довольный собой Славик вмиг испарился, девушки зашебетали на арабском, очевидно, о своих деревенских делах, Эсма сдержанно, не разжимая губ, улыбалась. Другой улыбки у нее в арсенале не было, в этом вскоре мог убедиться Антонов: ни шуточки, ни комплименты или дружеские замечания не могли побудить Эсму хоть чуточку развести губы, сверкнуть зубами, тем более рассмеяться во весь голос, как любят и умеют делать многие молодые девчонки, понимая, насколько они привлекательны; Эсма не опускалась до таких трюков, или же не испытывала нужды в заигрываниях, либо внутренне всегда была сдержанна и серьезна, шалость, игра ее не интересовали; Антонов на секунду решил, что, возможно, у нее какие-то проблемы с зубами или с дыханием, но, когда ей все же пришлось разговаривать, Антонов таки вывел ее на беседу, легкомысленную, поверхностную, шутивную, ни о чем, такой разговор он умел вести в совершенстве; он разглядел ее зубы: крупные, белоснежные, чистые, в обрамлении алых губ словно волшебный кнафе из самого Наблуса; а дыхание, в тех редких случаях, когда Эсма наклонялась к нему разглядеть какие-то мелкие детали работы, он чувствовал, казалось, сетчаткой глаз, горлом, легкими, всей кожей глубину, наполненность, восхитительный аромат жаркого воздуха, исходящего из легких этой удивительной девушки. Значит, такая улыбка — это ее характер, сдержанный, скрытный, загадочный. Палестинская Мона Лиза.

— Следи за тем, как они работают, — поучает Славик. Против обыкновения не вопит, говорит тихо. — Замечания им не делай, у тебя нет таких полномочий, если что-то не так, сразу сообщай мне. Попробуй грамотно организовать их работу, попробуй для разнообразия себя в роли руководителя, три девочки у тебя, что-то можно из них выжать. И помни, что я и за тобой слежу в оба глаза, ты у меня на примете. Работаете без настроения, без самоотдачи, на результаты тебе плевать, на начальство тоже. Долго так продолжаться не может. Или измени отношение, или распрощаемся мы с тобой... И перестань паять на эту высокую, ты хочешь, чтобы тебя раньше срока за домогательство выгнали?

«Не могу не паять, — про себя отвечает Антонов, — уберите сначала ее загадку, ее улыбку, ее джинсы, ее густые волосы, ее аромат. Ее походку, ее взгляд, ее манеру со мной разговаривать. Все тривиальности, что мы несем за работой, учим арабский счет, каждый раз заново, я не в силах его запомнить, спасибо, пожалуйста, до свидания, извините, они смеются над тем, как я коверкаю их певучий язык, я учу их русско-му, который они схватывают гораздо легче, хотя и произносят слова с кавказским акцентом, у одной из них русский друг, она почти разговаривает: тормози, поехали, дай денег, а то зарежу; другие смешные фразы она проговаривает, смеясь во весь рот, во все свои белоснежные зубы, но не Эсма. Эсма и здесь строга, подыгрывает, не исключено, что внутренне даже смеется, но как догадаться об ее смехе. Лицо ее выражает одно: вежливое снисходительное любопытство. Она не со мной, она не с нами, где-то вдали от нас, за облаками, в небе, в раю, за горизонтом, и до нее не дотянуться, хоть фактически, телесно она сидит в полуметре от меня, рукав ее рабочего халата почти касается моей руки. Но она для меня недостижима, как и все эти девочки, вследствие людских глупых правил, искусственных ограничений, разъединяющих людей по непонятным причинам, налагающих запрет не только на совместную жизнь, о чем это я, но даже на простое общение, на дружбу, на общие интересы. Все, что у нас может быть общего, это с семи утра до семи вечера серый рабочий стол, исчерканный маркером, рабочий план на день, который нам никак не удастся выполнить, общий начальник, с верхотуры из своей комнатки неусыпно глядящий за нами».

— Перестань, — звонит Славик, — что ты делаешь? На тебя смотрят. Ты привлекаешь внимание. Углубись в работу. Их подрядчик, кажется, уже что-то

заметил. Ты же понимаешь, при малейшем опасении завтра вся их деревня, весь их род, весь их мир будет стоять у тебя под окнами и не успокоится, пока ты не выйдешь и они тебя не зарежут. По крайней мере, жить в этой стране тебе точно уже не придется. И у предприятия тоже возникнут большие проблемы. Подумай хорошо, идиот.

«Я думаю, я подумаю». Антонов вспоминает отца, который завел роман с чеченкой, когда выступал на гастролях в Грозном, покорила ее своим пением или неотразимой улыбкой, но удирать ему из Грозного пришлось под покровом ночи, в узике под грудой хламья — все выездные дороги оцепили родственники его пассии. А был ли роман? Или хватило фразы, жеста, неправильно понятого выражения, невинного флирта? Но для отца это была игра, всегда только игра, риск, лотерея, адреналин. А для Антонова?

— Интересно чисто теоретически: мы могли бы сходить куда-нибудь с тобой вдвоем?

Она улыбается, она явно не понимает, что хочет от нее этот большой незнакомый дядька.

— Где ты живешь?

Она отвечает неразлично, что-то вроде Мадж-аль-Крум, Антонову все равно, он знает, что она откуда-то с территорий под литерой А или в лучшем случае из арабских деревень по соседству. Точно не из его города.

— Могла бы ты, например, прийти ко мне в гости, мы бы погуляли по берегу моря, сходили бы в ресторан, а потом я проводил бы тебя домой?

В неизменной улыбке Эсмы появилось едва различимое напряжение.

«Надо прекращать эти глупости, прав Славик, — урезонивает сам себя Антонов, — слишком опасно. Но неужели невозможно хоть как-то приблизить ее к себе или приблизиться самому? Пусть не как женщина и мужчина, как два человека. Ей же интересно со мной, я это чувствую, ей нравится меня слушать, и улыбка ее, которая почти не улыбка, появляется, только когда она видит меня, с другими ее лицо совершенно непроницаемо».

— Если бы я позвал тебя, например, в Италию, съездить вдвоем, как друзья... — голос Антонова пресекся — так она на него посмотрела.

— Мне нужно выйти, — произнесла Эсма, резко отодвинула стул.

Антонову захотелось броситься за ней следом, удержать, извиниться, наплевист, что она неправильно его поняла, но это стало бы еще большей ошибкой. Самое правильное — как ни в чем не бывало продолжить работу, ведь ничего не случилось, только сиюминутная болтовня.

Девушка возвратилась через двадцать минут, Антонов тревожно скосил глаз на окно голубятни, откуда за трудовой деятельностью подчиненных неусыпно наблюдал Славик; разрешенное время отсутствия на рабочем месте — пять минут. Похоже, Славик куда-то вышел: в ярко освещенном окошке не круглилась привычно лысая голова.

— Прости меня, пожалуйста, — пробормотал тихо Антонов, — я не хотел обидеть. Это ж обычный треп, не более. Не обижаешься?

Девушка подняла глаза: взгляд долгий, бездонный. Как густо она накрашена, только сейчас отметил Антонов.

— Я не поняла ничего из того, что ты мне сказал, — ровным голосом проговорила Эсма, — я не думаю, что ты хочешь или можешь меня обидеть.

«Можешь» резануло Антонову слух. Что это значит, что я для нее в принципе нечто совсем несуществующее? Или весь окружающий мир для нее ничто, пылинки, капля дождя? Ему не удалось об этом подумать как следует: девушки застучали стульями, засобирались. Рабочий день подошел к концу.

Чем завлечь ее, заинтересовать, соблазнить, когда ее ничего не трогает? Когда она очарована лишь своей отстраненностью от всего сущего, от всего мирского, людского, хотя она целиком и полностью в это людское погружена: работает, одевается, ест, разговаривает с подругами, возвращается в данный момент на автобусе в свой Мадж-аль-Крум или Джудейда-Макр, или откуда она.

Антонов трясется на заднем сиденье старенького субару, за рулем — Николай Краматорец, на переднем сиденье — одноглазый охранник Леня, рядом с Антоновым — Петя Танцор. Петя седьмой раз пытается сдать экзамен по фармакологии и получить лицензию фармацевта, как только это произойдет, он поменяет работу, устроится в аптеку при больнице или в какую-нибудь аптечную сеть, с утра до ночи в наушниках, зубрит названия лекарств, дозы, способы применения, в американской системе все иначе, но Петя Танцор не сдается, несмотря на шесть проваленных предыдущих попыток. Выбора у него нет, надо учить и учить, чтобы вырваться из тягучей трясины двенадцатичасового рабочего дня, низких зарплат, каждодневных насмешек и унижений, на которые обрекает интеллигента пребывание в рабочей

среде; криворукий, хлюзда, бездельник, ему лишь бы выбраться к танцевальным площадкам, которых по городу пруд пруди, и посвящать честно заработанное свободное время любимому делу — бальному танцу со своей неизменной партнершей, сотрудницей службы проверки качества на одном из заводов Анжеликой.

Охранник Леня много лет пытается выбить хоть какую-то регулярную выплату за потерянный на работе глаз, но глаз был утрачен не во время работы, а лишь во время поездки на оную, так утверждают адвокаты ответственного, по мнению Лени, предприятия, и на этом основании отказывают бывшему сотруднику в выплатах. Однако поездка на работу, согласно некоторым пунктам трудового законодательства, уже считается частью рабочего времени, утверждает адвокат Лени, аргументы которого игнорирует противоположная сторона на том основании, что как такового трудового законодательства в нашей стране не существует. Леня болеет от этих переживаний, худеет, почти не спит. Жизнь истекает из его тела быстрее, чем запланировано природой.

Николай Краматорец высказывает Лене сочувствие и Пете Танцору — сочувствие, но на самом деле ему решительно все равно, что происходит с его пассажирами: сам он давно унесся в отпуск с женой, который в действительности наступит через пару недель, а следующий — примерно через полгода, но у Николая все распланировано, продумано, предрешиено: туристические группы, компании, билеты, гиды, супруга его предпочитает экскурсии, в одиночку осматривать достопримечательности — это не ее метод, ей нужен повествователь, грамотный, эрудированный, культурный, Николай знает таких, в каждой стране такие имеются, жена будет довольна, Николай уже видит ее сияющие, любопытные глазки, ощущает благодарное пожатие верной руки на своем локте. Это ли не счастье? «Да, именно это счастье», — подтверждает семьянин Николай.

С Николаем удобно говорить о ценах на турпоездки, об удивительных, сказочных городах Западной Европы, Восточную Европу Николай игнорирует. Речь Николая становится экспрессивной, жестикуляция — яркой и страстной, слова несутся, натапливаясь друг на друга, сыплются кучей, стараясь передать полноту впечатления. То же самое происходит, если завести разговор с Петей о танце: фразы будто выделывают экзотические фигуры самба латино, поражают, ослепляют, заводят; от фраз наполняется энергией кипучее тело танцора: бедра едва заметно вибрируют, плечи вздрагивают в нетерпении, вот-вот готовые вылететь юным коршуном из гнезда, в позвоночнике искрят небольшие молнии, каждую секунду способные зажечь пожар танца в немолодом, но гибком и ловком теле.

А Ленечка... Только заикнись о нюансах трудового законодательства, о произволе работодателей, привычном бездействии высших инстанций, как весь его обиженный организм окатывает праведной волной возмущения, щеки начинают пылать, как две ханукальные свечи, голос взлетает и падает хищной чайкой над поверхностью безрыбье океана несправедливости.

А Эсма, как подобрать к ней отмычку, раскрыть ее код, принудить ее снизить в мир живых и простительных радостей и печалей? Лешка-клоун, передразнивающий всех и вся, однажды показывал друзьям исторических персонажей: маленькие усики, вздернутая в зиге ладонь; руки за спиной, кепка, импровизированный броневилок под ногами... Девушки не узнали ни один образ. И Эсме тоже ничего не скажут такие картинки. Они, она — это другая планета, другая галактика. Конечно, им известны Муса, Иса и Али и сотни, тысячи других персонажей, о которых в свою очередь у нас почти нет представления. В наушниках их звучат неизвестные нам исполнители, даже американское влияние их почти не коснулось, на столах у тех, кто читает, лежат незнакомые книги, на кухне готовятся непонятные блюда из диковинных, несуразных продуктов. Один ли мы вид вообще? Способны ли спариваться и рождать потомство? Русские девушки доказывают, что способны. Арабские парни предпочитают светловолосых. Но действует ли этот закон во всех сочетаниях? Русский парень и арабская девушка: как им удостовериться, что они оба принадлежат к одному виду людей? Им не дают шанса, их будто стерилизуют и не только в фертильном смысле: связывают, обрезают им мозг, калечат речь, не дай бог найти им общий язык, основу для понимания, взаимодействия; вкалывают предохраняющую прививку от межкультурных союзов.

— Я выхожу, эй, Коля, ты опять забыл меня посадить, — Антонов почти на ходу выскочил из машины. Субару поспешно обогнул кольцо и скрылся за поворотом.

«И мне пора через темную аллею, по разбитым бетонным плитам топтать домой. Надеюсь, Таня приготовила ужин». Поток огней по проспекту Ицхака Бен-Цви уходил к морю, над которым, словно пришитый к густому бархату серебрился опрокинутый месяц.

— Я сразу понял, что это человек выдающийся. И не только из-за того, что на нем был талит, мало ли кто в молитвенных одеждах разгуливает по городу. Будто сила какая-то от него исходила, — Лешка-клоун закуривает самокрутку, авторитетно сует

ее прямо в нос Кириллу. — Отличный табак, беру упаковку за пятьдесят шекелей, и на месяц хватает. Не то что эти ваши хваленые сигаретки.

Кирилл морщится, он не курит.

— Так что там с этим... раввином?

Лешка театрально затягивается.

— С раввином? Я же тебе говорю, болван ты эдакий, коли ты уж оказался в этой стране, так начни уважать ее людей и ее культуру. Это не обычный раввин, а внук Бабы Сали, знаменитый Давид Абухацира, у него двор тут неподалеку в ешиве «Абир Яков». Я сам тогда только приехал, несколько лет всего, ничего этого не знал, охранником работал у грузина в ресторане, а тут гляжу — поднимается по лестнице большой человек, светящийся, а за ним целая свита. Хозяин предупреждал, что он великого раввина вызвал, но я думал, придет старичок с пейсами и с книжонкой затертой, а пришла целая делегация, и все молодые, красивые, и мощь от них исходит, будто дупление божье. Я онемел на мгновение, в мою задачу входило показать гостям дорогу в главный зал ресторана, но ноги меня не слушались, я прирос к месту, гортань пересохла, кажется, даже слезы выступили. Абухацира посмотрел на меня, улыбнулся, положил руку на голову и произнес тихонько: «Не волнуйся ни о чем, это твоя страна, ты проживешь здесь многие годы и будешь счастлив».

— Ничего себе! — поразился Кирилл. — Так и сказал?

— Слово в слово. Мне даже хозяин потом позавидовал, за благословение Абухацеры люди отдают целые состояния, а мне оно просто так досталось. Сам он только за один визит этого великого человека половину своего ресторана отдал. В денежном эквиваленте.

— И как, сбылось его предсказание?

— Конечно. Его пророчества всегда сбываются. Я уже тридцать лет здесь, горжусь этой страной, и все у меня замечательно.

— Мальчики, ребяташки, перерыв заканчивается, что вы там растрещались на лавке, как сельские кумушки, нам еще восемь часов работать, и если мы сегодня не закончим этот заказ, нас всех уволят, к чертовой матери, вы это хоть понимаете, — голос бригадира вмешался в беседу. Лешка и Кирилл не спеша отправились в цех.

— Думаешь, стоит к нему обратиться?

— Это не так просто, как тебе кажется. К нему очередь расписана на годы вперед, и скорость движения этой очереди, твой порядковый номер в ней напрямую зависит от того, сколько ты готов выложить в новых шекелях. Мне тогда повезло несказанно, но ты, мне кажется, не очень везучий.

— Не очень везучий? — взвыл Кирилл. — Я такой везунчик, что скоро руки на себя наложу.

— Перестань, — обрубил Лешка-клоун, заводя рабочий станок, — нельзя из-за женьщины так убиваться. Из-за бабы.

— Из-за бабы, может, и нельзя. Но это же Таня, моя единственная, любимая. Я ее пять лет добивался. Мы вместе в спецотряде работали по охране памятников. Знаешь, какое у меня прозвище было? Пингвин. Потому что я заплыл жиром и едва шевелился. Но только Танюша появилась в отряде, я стал другим человеком, все сразу заметили. Стал качаться, по утрам бежал, включился в общественную жизнь: клубы, концерты, шашлыки, путешествия по округе. И все для того, чтобы Танюша обратила на меня внимание. Вокруг нее, впрочем, все увивались, хотя она была замужем, сынишка у нее рос. Я познакомился с ее мужем, Валентином, интереснейший человек, образованный, хотя и пьющий. По пьянке, бывало, избивал Танюшу, сам неоднократно видел, я часто у них гостил, мы стали друзьями. Я просил Валентина вести себя с Таней помягче, она женщина все-таки, его жена, но он не слушал, в плохом настроении бил ее головой о дверной косяк, а я, к сожалению, ничего не мог сделать, на мои самые убедительные просьбы он просто не реагировал, а сама Таня молчала, даже не плакала. Признаться, я ей сочувствовал, но в глубине души, где-то совсем глубоко, понимал, что эти избиения сыграют мне на руку, и Танюша, наконец, от него уйдет. Так и случилось, хоть и не сразу.

— А от Абухацеры-то ты чего хочешь?

— Чтобы помог мне вернуть мою девочку, не могу я без нее, понимаешь? Может, подскажет, посоветует что, как себя вести правильно, чтобы она ко мне возвратилась. Ведь и дочка моя там, с упырем растет, что из нее в итоге получится? Такая же шлюха, как и ее мамаша? Сын — бог с ним, он большой уже, к тому же он Валентинов, а дочурку мою не хочу я в лапах этого распутника оставлять.

— Может, тебе целесообразнее к Элазару Абухацере обратиться?

— А это вообще кто?

— Родной брат нашего Давида Абухацеры. Но только живет он на юге, там у него двор. Как и Давид, Элазар великий раввин и праведник, чудотворец. Но только он го-

раздо богаче Давида, второй по богатству раввин Израиля, а Давид лишь третий. Не перебивай, я знаю, что праведность обычно не меряется деньгами, но финансовая состоятельность иногда говорит о многом. За свои рекомендации раввины берут мзду и немалую, Элазар богаче Давида, следовательно, народ ему больше верит, советы его эффективнее, так что и здесь богатство в некотором роде критерий истинности.

Кирилл почесал затылок.

— Это куда ж к нему ехать надо?

— В Беэр-Шеву.

«Специально снял майку, сука», — зло думает Таня, стараясь не глядеть на кубики живота, развитую мускулатуру Кирилла. Приехавшая из Санкт-Петербурга подруга разглядывает мужчину с откровенным восхищением.

— Ты — молодец, Кира, — поднимая стопку, посылает воздушный поцелуй гостю.

— Так держать! Дашь потом ягодички пощупать?

Кирилл игриво крутится перед ней, изображая стриптизера.

— Да хоть сейчас!

— Сейчас не надо, — урезонивает хозяина Таня. За столом сразу две Тани, и еще одна маленькая в детской комнате играет в плейстейшен.

— Тебе повезло, — не могут пройти мимо такой темы Тани, — ты в обществе Тань. Кучу желаний можешь загадывать.

— Вы знаете единственное мое желание, — нарочито жалостливо смотрит Кирилл на бывшую супругу.

— Даже не начинай. Мы пришли к тебе только потому, что Танька по тебе соскучилась. В конце концов, ты же хочешь с детьми видаться. Ну и Антонов не любит гостей, особенно когда он после работы.

Кирилл хмыкнул.

— Все-таки не можешь ты без меня?

— Хватит, Кира, лучше подлей нам водки, — хором одернули его Тани.

Кирилл перегнулся через стол, поигрывая бицепсами, ухватил бутылку «Финляндии», ловко разлил девочкам. Таня поневоле вспомнила близорукого, неуклюжего, с обвисшим животом Антонова. Вздохнула.

— А теперь танцевать! — Кирилл подхватил гостью, потащил ее в центр комнаты, пролетая мимо компьютера, одним движением включил музыку. Массивная, большегрузная Таня поплыла, раскачиваясь из стороны в сторону, как веселая пиратская каравелла.

— А весь Питер был мой, все мужчины мои, — замурыкала каравелла самосочиненную песенку. Кирилл вертелся вокруг, будто угорь вокруг приманки.

Таня ушла в комнату к дочери, но через пару минут выскочила с телефоном:

— Сделайте потише, Антонов звонит. Я забыла его предупредить, что мы пойдем к тебе. Да, любимый, — ласково замурыкала Таня в трубку, — конечно, родной. Я забыла, мы у Кирилла в гостях, Таня приехала. Как нечего есть, посмотри в холодильнике. Значит, Данечка сожрал. Придумай что-нибудь, любимый, а я приду через пару часов и приготовлю, окей? Ну вот, разозлился, — печально сказала Таня, прекратив разговор. — Домой мне пора.

— Давай еще немного побудем, подруга, — заскулила противеньким голоском каравелла.

— Рано же еще, детское время, — поддержал Кира, — не умрет твой белоручка с голоду, китайской лапши заварит.

— Нехорошо это, — рассуждала Таня, — мы тут развлекаемся, а он после работы не кормленный сидит.

— Придешь домой, титей покормишь, — зло пошутил Кирилл. Подруга издевательски рассмеялась.

— Нет, ухожу я. Ребенок пусть у тебя побудет, а ты? — обратила она лицо к Тане. Та перевела взгляд на Кирилла, бывший кивнул.

— Я останусь.

— Твое дело, — буркнула Таня и направилась к выходу.

— Подожди, — встrepенулcя Кирилл, — я тебя провожу, темно уже, мало ли что там...

— Оставайся, чего уж тебе, я думаю, есть чем заняться.

— Провожу, и не спорь, так мне будет спокойнее.

— А я пока воспользуюсь душем, хорошо, Кира? С дороги еще толком не мылась, — промурлыкала Таня. Кирилл только махнул рукой: не до тебя пока.

Тень отделилась от стены, направилась к Антонову. До подъезда оставалось каких-нибудь двести метров, уже виднелась скамейка и вазон с цветами, подсвеченный зеленым и голубым, любят местные красоту наводить. Стоит только позвать на

помощь, тут же заметят его в аллее, примчатся, помочь не помогут, но хотя бы вспугнут недоброжелателя.

— Сергей? — Антонов вздрогнул. Здесь редко его называли по имени, и прозвища от фамилии строили — Тоха, Антоха, Антониони.

— Да, это я, — хрипло ответил Антонов.

— Мне нужно с вами потолковать, — говорил собеседник на плохом иврите, лицо разглядеть не удавалось. — Вы, как нам удалось заметить, проявили излишний интерес к одному человеку. К девушке, — для максимальной определенности уточнил незнакомец.

«Началось, — Антонов занервничал, — неужели родня уже подросла, ведь и дня не прошло? Или о чем это он?» Первое его предположение, от чьего имени явился этот ночной визитер — Эсма. Но могла ли это быть Эсма? Ведь они проработали вместе всего лишь день, и ничего не случилось, небольшое недопонимание, легко обратимое в шутку. А если не Эсма, то кто? Антонов стремительно рылся в памяти, но не находил даже приблизительно годную кандидатуру, способную устроить ему подобные неприятности.

— Да-да, не надо мучительно рыскать, первая мысль всегда правильная, — язвительно продолжила тень.

— Но я, — залепетал Сергей, — у нас ничего не было. Даже в мыслях. Просто разговор дружеский, о работе. Волноваться не о чем, я тебя уверяю.

— А я и не беспокоюсь, — заверил его незнакомец, — пока только ты беспокоишься. И тоже напрасно. Если бы что-то действительно было, мы бы сейчас с тобой не беседовали.

— Так в чем же тогда проблема?

— Нет никакой проблемы. Но есть предложение. Интересующий тебя человек, девушка, — не преминул еще раз уточнить незнакомец, — также заинтересована в более близком знакомстве. Естественно, в рамках приличий. Только слова, общение, дружба и никаких намеков или прикосновений. Мне продолжать? — Антонов кивнул.

— Открыто встречаться опасно, по меньшей мере, не в этой стране и точно не в людных местах. Поэтому... — собеседник осекся, глянул по сторонам. Собрание у подъезда закончилось, жильцы расходились, шумно обсуждая что-то неразличимое на таком расстоянии. У уличного фонаря, как сумел разглядеть Антонов, курил председатель домового комитета, он же и единственный его член. — Итак, продолжим, — кашлянул собеседник. — Завтра вышеупомянутое лицо будет ожидать тебя в определенном месте, в каком конкретно, узнаешь позднее. Ты знаком с Хайфой?

— Немного.

— К семи вечера доедешь на поезде до станции Мерказ-Ашмона, без спешки выйдешь на Дерех Яффо в Нижнем городе и двинешь на север в район Аль-Халисса, где заброшенные дома, видел? — Антонов кивнул. — Там ты получишь дальнейшие указания. Телефон твой у нас есть. Если все будет нормально, интересующий тебя человек с тобой свяжется.

— А как же работа, я освобождаюсь только в семь вечера.

— Если наше предложение не привлекательно для тебя, можешь спокойно идти на свою работу.

— Конечно, привлекательно. Спасибо тебе за него, — Антонов слегка поклонился.

— С работой я разберусь.

В темноте Кирилл попытался взять Таню за руку, но та воспротивилась.

— Через Рагум пойдем? — тихо спросила она.

— А как иначе?

— Можно вдоль трассы.

— Там шумно.

— А через Рагум опасно, там полно сумасшедших.

— Со мной ничего не бойся, — полушутливо успокоил Кирилл, — я сберегу тебя от любых невзгод.

— Спасибо, сберег уже.

Кира вновь попытался приблизиться к Тане физически, приобнял ее, но девушка раздраженно вырвалась.

— Прекрати, Кира. Еще один раз попробуешь и пойдешь домой.

— Ладно, недотрога не буду.

— Смотри лучше по сторонам и на дорогу, в прошлый раз я здесь огромную гадюку видела, неделю потом не могла уснуть. И летучих мышей полно, иногда они в волосы вцепляются.

Некоторое время они шли молча.

— Завтра я еду к раввину, — сообщил Кирилл.

— Это еще зачем?

— За советом. Не к простому раввину — к великому праведнику.
— Что у тебя, своей головы нет?
— Для того, что я хочу узнать, своей головы недостаточно.
— Что же ты хочешь спросить? — не удержалась Таня.
— Хочу посоветоваться с мудрейшим, как мне тебя вернуть. Может, он что-то подскажет. Раввины в принципе против расторжения браков, так что он должен быть на моей стороне.

— А ты хочешь, чтобы я вернулась?
— Больше всего на свете.
— И поэтому, наверное, оставил у себя Таню на ночь?
— Доченьку?
— Не придуривайся, пожалуйста. Ты понимаешь, о чем я говорю.
— У нас ничего не будет. И не отправлять же ее к Антонову, даже я знаю, что он ее не выносит.

— Зато ты, я смотрю, с радостью готов ее терпеть.

— Я просто помогаю, не более того.

— Кому, себе?

Оба опять замолчали. Впереди засверкала огнями главная улица, люди выходили с покупками из торгового центра, по свежепостроенному мосту над шоссе спешили к вокзалу, к автобусам, поездам, таксисты-арабы лениво курили у будки диспетчера.

— А что это за раввин и где он живет?

— Один, Давид, живет у нас в городе, в ешиве принимает, другой, его брат, Элазар Абухацира, на юге. Я еще сам не решил, кого из них выбрать. К ним вообще-то запись на годы вперед, но я так поеду, авось повезет, и удастся попасть без очереди. Не могу я совсем без тебя, ждать годы — я просто умру.

— Я тронута, — усмехнулась Таня, — вон уже наш дом в середине аллеи, можешь возвращаться, спасибо, что проводил.

— Нет, я доведу тебя до подъезда, а так — будто и не провожал вовсе.

Тень отделилась от стены, Кирилл вздрогнул.

— Кира? — окликнул его незнакомец.

— Кто ты? — поразился Кирилл — Кирой его называли лишь самые близкие люди.

— Собираешься в паломничество? — по тону незнакомца было понятно: на вопросы он отвечать не собирается.

— С чего ты взял? — поинтересовался Кира. — Я лишь планировал...

— Посетить великих раввинов.

— Откуда?... Кто ты такой? — нервная дрожь в мгновение охватила Киру. — О моем намерении известно лишь двум-трем самым дорогим людям.

— То, что знают трое, знают все, — усмехнулся незнакомец, — а нам в этой стране известны такие вещи, которые человек и сам про себя не знает.

— Какие такие вещи?

— Вот ты, например, до сих пор не знаешь, к какому раввину отправиться и отправиться ли вообще.

— Это верно. Я слышал много хорошего о раввине Давиде, но мне подсказали, что его брат Элазар еще праведнее.

— Значит, ты выбираешь Элазара?

— Я бы не задумываясь выбрал Элазара, но к нему надо ехать в Беэр-Шеву, отсюда это довольно далеко, и сумею ли я к нему попасть, вот в чем вопрос.

— А ты не смущайся, — наставительно произнес незнакомец, — трудности не должны тебя останавливать. Если твое паломничество угодно Господу, оно в лучшем виде осуществится. Ты только верь, а я тебе помогу.

— Как ты мне поможешь?

— Я буду с тобой на протяжении всего твоего пути, с раннего утра, ведь Беэр-Шева действительно далеко, и чтоб тебе туда добраться хотя бы к вечеру, необходимо выйти пораньше, к тому же порою в пути паломника встречают незапланированные трудности: песчаные бури, нападения кочевников, шедим шалют возле кладбищ, похотливые женщины, ведомые Асмодеем, потупив глазки, стоят вдоль дорог, выставив увядшие прелести, но жутчее всех и свирепее Авадон — тьма в каждом из нас живущая, ведущая нас к гибели. Без праведника и закона, без самого Саваофа противостоять Авадону ни у кого нет возможности, поэтому и поведу тебя я по пути сему к великому и праведному раввину Элазару, чтоб не преткнулся ты и до раввина добрался.

— Но кто ты такой? — перебил вдохновенную речь незнакомца возглас ошеломленного Киры.

Ответа, как и следовало ожидать, он не услышал. Вместо этого собеседник взял его за руку, и горячая волна побежала к сердцу Кирилла, захватила его дыхание,

расслабила мышцы, прояснила мозг, направила взгляд, и Кирилл увидел себя входящим на железнодорожную станцию, раннее июльское утро, за спиной — рюкзак, в котором обязательная бутылка воды, паспорт и несколько сэндвичей. Кирилл проходит контроль безопасности, покупает в кассе билет: пользоваться автоматом он так толком и не научился. Поезд отходит через двадцать минут с третьего пути, до которого надо добраться по подземному переходу. Кирилл не спеша спускается в переход, на ходу извлекает из рюкзака бутылку, пьет — день обещает быть жарким, и тело заблаговременно это чувствует. Посадка в вагоны уже дозволена, и Кирилл нажимает кнопку, открывается дверь, тип состава — его любимый, в два этажа, мягкие синие кресла, беспощадный кондиционер. Кира пристраивается у окна, с той стороны, откуда можно будет наблюдать море, на всякий случай ставит телефон на зарядку.

Где его Таня, где его любовь, что она сейчас делает? Возится с дочкой, собирает ее в детский сад, рассказывает ей всякие смешные истории, чтобы у маленькой Танечки поднялось настроение, ведь в этом она так хороша, в рассказах, в поднятии настроения. А в чем же плоха Таня? Конечно, ни в чем, Таня во всем прекрасна, Танечка — совершенство. Отведя дочурку, она примется готовить обед, вкусный, сытный, полезный, как только она умеет и понимает, а заодно отчитает своего сынишку болвана, который опять прогулял уроки, или не сделал домашнее задание, или не успевает по математике, английскому и по всем остальным предметам. А после... Воображение Киры начинает своевольничать, вместо идиллических семейных сцен всплывает запретное, неприятное: обнаженная Таня и этот мерзавец Антонов, его похотливые руки, слюнявые жидовские губы, безразличная к окружающим, гедонистская, холеная задница. И Таня в его объятиях, ее прекрасное тело... Кирилла тошнит.

К счастью, поезде еще не заполнен, на первой остановке в Акко зашли всего несколько человек, по пустому проходу Кирилл бежит к выходу, выскакивает на платформу, озирается: Кирьят-Моцкин, всего девятнадцать минут дороги, еще ехать и ехать, а он уже вынужден пропускать поезд, садиться на следующий из-за мучительных картин в его голове. Приступ тошноты постепенно проходит. Поезд подойдет в ближайшее время на этот же путь. Обессиленный, Кирилл надает на скамейку. Начиная от Хайфы, от Мерказит-Амифрац, в поезд начнут загружаться люди, много людей, и просто так выскочить за секунду уже не получится, поэтому надо держать себя в руках, контролировать воображение, сосредоточиться на пейзаже, на пассажирах, послушать их речь, возможно, там будут красивые девушки, это всегда отвлекает.

Кирилл робко заходит в вагон подошедшего поезда. Аналогичное место, что и в прошлом составе, справа у окна по ходу движения свободно. Кира закидывает сумку на верхнюю полку, плюхается в кресло. Вокруг ни девушек, ни разговоров, ни моря за окном. Все начнется через несколько минут в Хайфе. А сейчас в поезде никого. Значит, спать, дремать, хоть немного, лишь бы не всплывали эти режущие душу картины, иначе... не выдать ему Беэр-Шевы ни сегодня, ни когда-либо в будущем.

Напротив присела немолодая элегантная женщина со старой газетой в руках. Кто сейчас читает газеты, тем более 2011 года? Кто она — архивистка, диссертацию пишет? Группа рядовых третьего года службы с оружием расположились в конце вагона. Неспешно, посматривая по сторонам, прошел контролер, проверив билет у женщины, у солдат, Кирилла же не заметив. «Какой деликатный, увидел, что я дремлю, и решил не будить». На одной из станций в вагон ворвалась группа школьников с тремя испуганными преподавательницами; в воздух полетели ранцы, кипы, бутылки с газировкой и соком, мобильные телефоны, девичьи визги. «Содом и Гоморра», — только и успел подумать Кирилл, погружаясь в сон, больше похожий на оцепенение.

Народ, шумя и толкаясь, массово затолпился к выходу.

— Где мы, — чуть приоткрыв веки, спросил Кирилл у соседки.

— Бен-Гурион, — равнодушно ответствовала она, — аэропорт.

Дремота мигом слетела, будто и не являлась. «Аэропорт? Действительно, демоны меня водят. У меня же пересадка на Савидор-Мерказ, пять остановок назад». Кирилл ринулся вслед за толпой к выходу, едва успев выскочить из вагона. Двери тотчас за ним закрылись.

«Помощь праведника мне нужна, — подумал Кирилл, — иначе мне никак не добраться до Беэр-Шевы». — «Я же говорю тебе, что я с тобой, — прошептал ему ночной незнакомец, — продолжай путь спокойно, следуя плану, и ничего с тобой не случится».

Вернувшись на Савидор-Мерказ, Кирилл пересел в поезд на Беэр-Шеву и к вечеру прибыл на место. Вокзал оцеплен военными и полицией — очередной теракт с погибшими, террористы равнодушны к столице пустынного юга. Пассажиров вывели через запасной выход.

«Я здесь, не волнуйся, ты в безопасности под моей защитой», — вновь зашептал в самое ухо голос. «Я забыл, куда мне идти», — растерянно пробормотал странник.

«Ищи улицу Алия, там находится дом Элазара, ты сразу его узнаешь, в нем будет много людей». Паломник тронулся наобум, пошатываясь, задевая столбы и углы зданий, с трудом разбирая редкие таблички с названиями улиц.

Ближе к полуночи он отыскал, наконец, улицу Алия и пошел по ней уже без всякой надежды: слишком поздно, праведник наверняка почивает. Элазар же, как это бывало почти всегда, не спал, в столь поздний час он раздавал благословения посетителям. Прошел еще один трудный день, и скорбь человеческая, и боль, и неумирающие надежды, и безответные чувства, и благотворная радость, и отчаянная печаль в полной мере нагрузили плечи этого маленького человека, раввина Элазара Абухацiry. Тяготы людских тревог и забот не давали ему уснуть, не позволяли ему насыщать свое тело изысканной пищей, закрыли его лицо плотной тканью, запрещая показывать его людям; верные помощники раввина построили по его просьбе от дома до ешивы, где он вел прием, тоннель, поскольку вся его жизнь посвящена служению людям, и он должен идти по этому пути, не задерживаясь и не отклоняясь.

Средитех, кто пришел к Элазару сегодня, сплошь знакомые лица, в основном жители Беэр-Шевы, многих из них Абухацiry помнит по именам. Вон Ицхак, переживающий за старшего сына, который неожиданно захотел в армию, а должен был стать врачом; Элиаху, женившийся в третий раз на молодой девочке и молящий Всевышнего о долголетию и мужской силе; Иешуа, вложивший средства в сомнительный бизнес и весь теперь в уповании на милость Господню. Неожиданно в толпе Элазар приметил встревоженное чуждое лицо. Кажется, этот человек приходил к нему раньше, или праведнику это только привиделось. Элазар щедро поманил чужака.

— Ты уже подходил ко мне со своей проблемой? — чужак отрицательно помотал головой. — Говори, что тебя беспокоит.

— Жена, — прохрипел чужак. — Ушла к другому. Живет с ним. Уже год. И детей забрала. Говорит — счастлива, но я не верю. Да это и неважно, счастлива она или нет. Важно, что я несчастлив. Я не могу без нее жить. Совсем.

Раввин помолчал минуту.

— Я скажу тебе то, что говорят по этому поводу священные книги, — медленно и торжественно заговорил праведник. — Эта женщина уже тебе не принадлежит. Если бы не существовало другого, если бы между вами был всего лишь раздор, это следовало бы уладить. В любой распри заложено примирение. Но она уже ушла от тебя, в ее тело и душу входит другой мужчина, значит, эта женщина уже не твоя, подавай на развод и чем скорее, тем лучше.

— В тело... мужчина... — лицо просителя побелело. — Ты не можешь так говорить, не можешь, не можешь, не можешь. Таня — моя, моя навсегда. А ты жалкий фокусник, старикашка, ты не смеешь говорить о моей Тане такое...

Неизвестно откуда в руке просителя появился нож, он ринулся к Элазару, бурля горлом, нечленораздельно что-то выкрикивая. Охрана бросилась на помощь Абухацiry, но, прежде чем им удалось скрутить нападавшего, тот сумел нанести праведнику несколько ударов.

— Скорую помощь, срочно, — закричали в толпе. — Держите подонка крепче, вызовите полицию.

Смертельно раненый раввин на полу истекал кровью.

— Помогите нашему учителю, скорее. Установите личность этого негодяя, вдруг он сбегит, мы всегда сможем его отыскать. Охрана выволокла убийцу на свет.

— Я его знаю, — воскликнул один из присутствующих, — это Ашер Дахан из Беэр-Шевы, недалеко от меня живет, у него проблемы с женой.

Кирилл с удивлением посмотрел на нож у себя в руке, на бездыханное тело раввина, на полную угрозы толпу.

— Послушайте, — запротестовал он, — какой Ашер Дахан, пустите меня, — попытался он высоводиться из цепких объятий охраны. — У меня есть документы, я сейчас позвоню своим родственникам, и если вы мне не верите, они вам все объяснят. Я не понимаю, что вообще здесь происходит.

Один охранник отпустил его руку, Кирилл пошарил в карманах, посмотрел за спиной, бросил взгляд по углам помещения. Телефона и рюкзака как не бывало. «Я, наверное, забыл их в поезде, когда выбегал в спешке», — промелькнула в голове угадывающая догадка.

— Ну, — спросил охранник, — где твои документы?

— Не нужны нам никакие его документы, — раздался другой голос в толпе, — это точно Ашер Дахан, я тоже его узнал.

— Да-да, это он, — утвердительно закивали многие.

Сквозь толпу уже пробиравась полиция, медики Маген Давид Адом осторожно перекладывали на носилки Элазара Абухацiry.

— Назови свое имя, — толкнул его в плечо полицейский, — ты Ашер Дахан?

- Он — Ашер Дахан, — пропели присутствующие хором.
- Пусть сам скажет, — заткнул толпу офицер, — ты Ашер Дахан?

Кирилл кивнул и протянул слуге закона запястья, на которых в это же мгновение замкнулись наручники.

В кармане затрепетал телефон.

- Ты уже дома? — Таня.

Кирилл огляделся: фонари, аллея, освещенные окна.

- Нет, еще не пришел.

— Я хочу тебе напомнить, — строго сказала бывшая, — уложи Таню спать вовремя, в десять, максимум в половину одиннадцатого, не позже. Иначе она не высыпается. Проследи, пожалуйста, не забудь.

- Хорошо, прослежу.

— Да, и еще, я посмотрела тут в интернете, ты опять меня за дурочку держишь? Твой раввин Элазар давно уже умер.

- Как умер? — Кирилл не верил своим ушам.

— Не прикидывайся идиотом, еще в 2011 году его убили, один из посетителей его пырнул ножиком.

- Ножиком? — будто во сне повторил Кира.

— Ты что, плохо слышишь? Что ты за мной слова повторяешь? — раздражаясь, рывкнула Таня.

- А брат его, Давид, жив? — понемногу выходя из прострации, молвил Кирилл.

- Этот жив вроде, я не успела проверить.

- А как убийцу звали, не пишут?

- Слушай, это-то тебе зачем?

— Ладно, мне кажется, я и так знаю. Спасибо, тебе, родная, про Давида я уже сам посмотрю. Спокойной ночи, — распрощался Кирилл с бывшей супругой и на всех парах поспешил к дому.

— Почему ты так долго? — Таня встречала Кирилла в ночной рубашке: пышная, неотразимая женщина, о какой он не смел и мечтать. — Таню я уложила, спит уже давно. Где ты пропадал? — Кира пожал плечами: что тут ответить? — Надеюсь, ты не через Рагум возвращался.

- Через Рагум? — переспросил Кира. — Возможно. Не обратил внимания.

Таня странно на него посмотрела:

- Ты что, не помнишь, как возвращался?

- Да я так, на автомате. Через Рагум вроде. А что такое?

- Ты что, не смотрел новости?

- Когда бы я успел это сделать? Я же провожал Таню.

— А телефон на что? Я постоянно слежу за новостями, тем более в этой стране, мало ли что... Здесь это вопрос базовой безопасности.

- Ну и... Что там с этим Рагумом?

— С восьми вечера район оцеплен полицией, они никого внутрь не пускают, но и сами не суются.

— Здесь это обычная практика, они позволяют людям самим решить свои разногласия.

- Там, конечно, много скрытых проходов, возможно, ты шел через один из них.

- Я не помню. Не исключено, что я возвращался вдоль шоссе. А из-за чего там война?

— Я не поняла толком. И никто, мне кажется, не понимает. Посмотри сам, все новости сегодня об этом. Углубляться в ситуацию, мало к нему относящуюся, не было никакого желания. Кирилл направился в душ, вышел оттуда посвежевший, взбодрившийся.

— Ужинать будешь? Я согрею сейчас, — проворковала Таня. Кирилл кивнул. Хозяйка завозилась с тарелками.

В ожидании ужина Кира высунул голову на балкон. В крошечной тьме, поблескивая огнями полицейских машин, грохая одиночными выстрелами, изредка — взрывами, перед ним расстилался Рагум, самый известный и самый опасный район города. «Неужели я действительно возвращался этой дорогой? Как же мне это удалось?»

- А что все-таки тут случилось? — прокричал Кирилл Тане.

— Говорят, война из-за сфер влияния: золотые магазины на Гаатоне, которые контролирует грузинская мафия Михаэля Мора и частично арабы, стали поперек горла марокканцам, которые требуют доли в бизнесе. Тут же и религиозные выступили: они вообще хотят всю торговлю на Гаатоне прикрыть.

С утра в Рагум прибыли бригады марокканских боевиков на внедорожниках, катались по району, искали грузинского главаря Михаэля Мора, однако, по слухам, он

еще на прошлой неделе уехал в Америку, наверное, знал о предстоящем конфликте. Не найдя Мора, марокканцы напали на грузинскую синагогу, ранили двух стариков, один из которых скончался. Арабы, в основном это жители Мазры, там у них склады оружия, пронюхали об этом марокканско-грузинском противостоянии и выехали к Гаатону, обложить данью и тех торговцев, которые платили раньше грузинам. Естественно, не все предприниматели сразу же согласились перейти под новое покровительство, поэтому пару магазинчиков подожгли. Пожар разгорелся довольно приличный, пришлось вызвать пожарные службы, которые перегородили движение по центральной улице в обе стороны. Тут-то в дело и вмешалась полиция, поскольку в образовавшейся пробке застрял начальник местного отделения Менахем Лейбовиц. Постепенно разобравшись в ситуации, Лейбовиц отдал приказ растащить мешающие проезду автомобили эвакуаторами, а заодно заблокировать Рагум полностью, используя весь имеющийся в наличии личный состав. К этому времени на помощь грузинам уже спешили черкесы из Рехании и Кфар-Камы, которые, несмотря на разное вероисповедание, оказались союзниками грузин. Марокканцев совершенно неожиданно поддержали религиозные, которые, как известно, в основном и населяют Рагум. Огнестрельного оружия, в отличие от всех прочих кланов и группировок, у религиозных нет, но от этого они не становятся менее грозной силой. Яростные, упитанные, в своих традиционных черных лапсердаках и широкополых шляпах, сомкнув ряды, с дружным пением, топотом они пошли по улицам Рабби Акивы, Нахалат Ашер, Дерех Струма и Дерех Ашяяра, наводя ужас на обывателей. Случившиеся кое-где перестрелки, драки при их приближении сошли на нет; грузины, арабы, черкесы и даже союзники религиозных марокканцы предпочли во время их грандиозного шествия скрыться из виду, чтобы не быть растоптанными этой вопящей, свирепой, безжалостной многоножкой.

«И чем наиболее озабочены власти города?» — дочитывал новости Кира, Таня давно спала. В конфликт готовы вмешаться арабы Хайфы на стороне своих соплеменников. В город вызваны дополнительные силы полиции, четвертое шоссе к завтрашнему дню частично закроют, в ключевых точках дороги установят военные патрули с правом досматривать транспорт, вызывающий подозрения. «Только боевиков Хезболлы для полной картины не хватает, — пробурчал Кирилл, откладывая телефон в сторону, — тоже могли бы по тоннелям своим прискакать, дело-то нехитрое».

Славик орал в трубку с очевидным намерением не только подорвать слух Антонова, но и по ушному каналу добраться до его мозга и испепелить его безудержным начальственным негодованием.

— Ты не можешь сегодня прогулять работу, — вопил Славик, — я тысячу раз предупреждал о том, что нельзя пропускать просто так, что нужно предупреждать за неделю.

— У меня форс-мажорные обстоятельства, — пытался выкручиваться Антонов, — мне вечером надо быть в Хайфе.

— Форс-мажорные обстоятельства — это болезнь. Ты болен?

«Если сказать, что болен, он потребует справку от доктора, но сейчас мне совершенно не до визитов к врачу. Не надо было вообще ему говорить, не приходило и все», — досадовал на себя Антонов.

— Поработай хотя бы до четырех, успеешь ты в свою Хайфу, сегодня вообще работать некому, — перешел к уговорам Славик.

— А Эсма сегодня будет? — опрометчиво поинтересовался Сергей.

— Эсма? Кто это? Не знаю никакой Эсмы, — Славик слегка поутих. — Зачем она тебе?

— Хорошо, до четырех поработаю, — согласился Антонов, оставив без внимания вопрос своего директора.

«Зачем я вообще произнес ее имя? Славик и своих-то сотрудников не всех помнит, а тех, кто работает от подрядчика, и подавно. Глупо, только внимание зря привлек».

Эсмы на работе не оказалось, чему Антонов несказанно обрадовался: значит, все серьезно, она готовится к встрече. Другие девочки из ее компании работали, Сергей развлекал их обычным способом, смешно коверкая арабские слова. Девчонки смеялись. В четыре часа и Антонов, и девушки закончили смену. Надо было спешить: из Маалота автобусы вечером ходят редко, а прямых до Хайфы и вовсе нет. Но домой заскочить тоже необходимо: переодеться, почиститься — Антонов предполагал рассматривать предстоящую встречу как свидание, несмотря на все предостережения ночного незнакомца. Тани дома не будет, она снова отправится к бывшему поиграть с дочкой, пообщаться с подругой. Вчера она вернулась немного расстроенной, Антонов так и не сообразил почему. Кирилл ее провожал до дома, наверняка он снова пел песенки о воссоединении семьи, о том, что дети должны расти с родными родителями, ха-ха-ха, а Данечка? Кирилл-то ему не отец. А может, подружка чего наболтала,

разбередила ее петербургское сердце рассказами о родном городе, эти питерцы — все ненормальные, в любой точке мира они скучают по Санкт-Петербургу, и ни Париж им не мил, ни Милан, ни Москва, ни тем более Тель-Авив с Хайфой.

Дома наскоро перехватив бутерброд и скинув рабочие шмотки, Антонов помчался на станцию. Со всех концов города к вокзалу, обычно полупустому в такое время, стекались люди.

— Шоссе перекрыто, — услышал Антонов в толпе, — выбраться из города возможно только на поезде.

Очередь к турникету, охрана сегодня внимательна, у всех солдат проверяют бумаги, большие сумки и рюкзаки осматривают с непривычной тщательностью. Очередь в кассы, на перроне толпа. «Не могли в другой день встречу назначить», — невольно взроптал Антонов, но тут же осекся: это же Эсма. И не такие препятствия он готов преодолеть, лишь бы только увидеть эту необычную девушку.

Понепонятной причине, из-за общего кавардака или перегружена железнодорожной ветке, поезд задерживался. Вновь прибывшим едва удавалось втиснуться на платформу, крайние ряды за желтой линией безопасности практически нависали над путями, рискуя свалиться под поезд. Наконец, состав показался. Вагоны также против обыкновения в этот вечерний час кишели людьми, которые, едва отворились двери, хлынули на платформу ревущим агрессивным потоком. «Что с ними со всеми сегодня?» — вынужденно отвлекся от своих мыслей Антонов. Обычно неспешные, ленивые пассажиры, жуя на ходу бургер или болтая по телефону, заплетая ноги, будто нехотя выползают из комфортабельной прохлады вагона в неизменную жару улиц. А сейчас? Из вагонов группами по пять-семь человек выскакивали бритые молодые люди, переговариваясь между собой по-арабски. У некоторых в руках были биты. И так утрамбованная в один пестрый, одышливый, говорливый брикет толпа на перроне еще больше ужалась, чтобы пропустить молодчиков к выходу.

— Аллах акбар, — шутило им вслед бросил Антонов. Несколько молодых людей оглянулись и поспешили дальше. «Дошutiшься, идиот», — ругнул сам себя Сергей и полез на свой любимый второй этаж занимать место с правой стороны у окна, чтобы видеть вечернее море.

Выйдя на Мерказ-Ашмона, Антонов неожиданно засомневался, по какому району ему велел прогуливаться ночной собеседник: по Аль-Халисса или Вади-Салиб? В памяти вертелась Аль-Халисса, но ноги норовили доставить его в Вади-Салиб. Пройдя через Сливовую площадь на Дерех Яффо, Антонов зашагал к площади Париж, надеясь, что там ближе к цели решение придет само собой. Скамейки, барные стойки с высокими стульями, которыми украшена Дерех Яффо по всей своей протяженности, в основном пустовали, кое-где за бутылкой вина ворковала влюбленная парочка. Дух опустошения, поэзия и тоска витали над всем нижним городом. На крыше отеля развлекал постояльцев невидимый джаз-бэнд, звуки разносились над всей Дерех Яффо, утекали черной водой сквозь пальцы мимо дремлющих пальм, мимо старых домов в мавританском стиле и растворялись вдали, над поверхностью неспящего моря, где-то в порту, у причала с огромным паромом, погруженным в созерцание самого себя в мутной жирной волне хайфской, закаленной трудом акватории.

На площади Париж Антонов остановился. Аль-Халисса? Вади-Салиб? Какой из районов выбрать? Сергей знал, что ни в административном смысле, ни в привычном понимании ни Вади-Салиб, ни Аль-Халисса районами не являются. Это, скорее, кварталы небольшой площади, состоящие из двух-трех улиц, которые легко обойти пешком за полчаса. И где не так уж трудно найти человека. Или вести наблюдение за нужным тебе человеком. Аль-Халисса населена, обнаружить там кого-либо гораздо сложнее, а Вади-Салиб пуст, это мертвый город, несколько десятков полуразрушенных зданий: сводчатые окна замурованы, ослеплены; покосившиеся колонны, портики, галереи, стерты временем арабски, повсюду обломки куркара — главный строительный материал в этом районе, следы от пуль в стенах. Антонов направился в Вади-Салиб.

Через несколько минут, если повезет, если все это не обман, не жестокий розыгрыш, подстроенный коварными шутниками, он встретит Эсму, скорее всего, девушку будет сопровождать кто-то из родственников, это обычай, но не исключено, что Эсма придет одна, ведь тот, кто передал Антонову приглашение на свидание, без сомнения, наблюдает за ними. Антонов поведет себя джентльменом, ни прикоснется к прекрасной Эсме ни разу, ни слово, ни взгляд его не оскорбят таинственную красавицу скабрзным намеком, пошлой двусмысленностью. Антонов проявит несвойственные ему на встречах с обычными девушками чудеса галантности, высшую степень учтивости, предупредит и исполнит малейшее желание спутницы, уловит, прочтет любой малозаметный признак неудовольствия и устранил моментально его

причину. Если она сама выбрала Вади-Салиб, Антонов выяснит это в беседе, низко склоняясь к ее лицу, вслушиваясь в каждую фразу, следовательно, она романтична, поскольку эти руины полны поэзии, и тогда Сергей прочтет ей стихи или расскажет трогательную историю о подлинных чувствах, которые в изобилии производит его беспокойное воображение; если она выбрала Вади-Салиб, значит, она дочь своего народа, патриотка истинной Палестины, Палестины тех, кто не выговаривает звук «П», значит, душа ее питает сочувствие к семьям, что когда-то жили в этих домах, но вынужденно покинули их под угрозой смерти, спасаясь от пуль и ножей безжалостных захватчиков, изгнанных из других стран, их сводных братьев.

И тогда Антонов раскроет свой главный секрет, свою подлинную национальность, которую он недавно себе придумал. Антонов Сергей — финикиец. Именно по этой причине он оказался на этой земле, а не потому, что мама его еврейка. Мамини документы — всего лишь формальный повод вернуться на родину, на подлинную его родину — в Финикию, страну веселых ремесленников и торговцев, бесстрашных мореплавателей, открывателей новых земель (или новых рынков), носителей мультязычной, или, иными словами, наиболее человеческой, культуры, с максимальным уважением к малому, с равным вниманием к каждому. Культуры, расцветшей ярчайшим цветом три тысячи лет назад, всколыхнувшей античный мир предприимчивым энтузиазмом, легко проносающимся сквозь границы, смеющимся над корявыми препонами изоляционизма, объединившим человечество в радости, а не в завистливом скопидомстве, мрачной замкнутости, так пугающей окружающих, порождающей, в конечном счете, лишь ненависть. Народ, так сильно любивший жизнь, движение, море, так страстно стремившийся к достатку и прочим суетным ценностям, тем не менее, не стал цепляться за жизнь, когда подошел ей конец, не стал выдумывать такие эффективные, но такие унылые культы скиний, заветов и праотцев, хотя, без сомнения, мог бы; народ, научивший человечество соединять звуки и знаки, народ-писатель, народ-поэт предпочел с природным аристократизмом без излишней патетики покинуть сцену истории как настоящий ее творец и хозяин, а не пресмыкаться столетиями, попрошайничая и ростовщицествуя, перетекая из страны в страну неприятным злоеющим гостем. Об этом народе и о своей к нему принадлежности поведаст вдохновенный Антонов, и девушка увлечется его рассказом, заслушается, раскрыв почти пурпурные губы, Финикия — страна пурпура, и Антонов нежно возьмет их своими губами, и среди этих волшебных разрушенных стен она отдастся ему лишь за одно его обаяние, за безумный талант, за то, что он финикиец.

Голос невидимого штурмана в телефоне звучал озадаченно.

— Ты не хочешь встречаться с ней?

— Конечно, хочу, — промямлил Сергей в трубку.

— Так почему ты не пришел вечером в Аль-Халиссу? Девушка ждала встречи с тобой.

Что мог Антонов ответить? Что он перепутал районы, что тогда о нем подумает незнакомец, что подумает Эсма? Присмет за идиота и будет права.

— Я заблудился, — пробормотал Сергей, — приезжал, но пошел не в ту сторону. Нижний город я плохо знаю, поэтому...

— Ты вообще-то хочешь увидеться с девушкой, которая, как ты сам дал понять, тебя совершенно очаровала?

— Хочу, непременно хочу.

— Тогда мы дадим тебе еще один шанс, но уже последний. Больше возможностей сблизиться с твоей принцессой у тебя не будет. И если ты и в этот раз не придешь, вся наша семья, весь наш род сочтет твою выходку намеренным оскорблением, и дальнейшее наше поведение будет логически исходить из этого обстоятельства.

— Я согласен.

— Тогда завтра в семь часов вечера у старого маяка в Яффо. Она будет ждать. Ты явишься?

— Обязательно. Обещаю. Тысячу раз обещаю, — собеседник давно отключился, но Антонов продолжал бормотать, — миллион, миллиард раз. Ничто не мешает мне добраться до старого маяка в Яффо.

— Я уезжаю в Питер, — Таня за кухонным столом, в темноте, скрестив руки. Взгляд опустошенного человека; щеки, лоб, губы, затылок оледенели.

— А что произошло? — машинально спросил Антонов, не успевая осознать происходящее вокруг: для его неспешного мозга событийная карусель вертелась слишком стремительно.

— Брат умер.

— И что? Он же наркоман был. Вы и не общались.

— А дом? Теперь нужно дом оформлять, иначе его отберут. Пока брат там жил со своими шлюхами, я и не совалась. А теперь дорога свободна.

Танька еще напомнила, какое там «все мое»: Аничков мост, Спас на крови, родная Гороховая.

— Но жить придется в деревне?

— Да, папаша же продал нашу комнату на Гороховой, ничего теперь там не осталось.

— Чего ж ты грустишь?

— Как я одна поеду? Не представляю, как я там в одиночку все вывезу.

— Я поеду с тобой.

К Тане мгновенно вернулась жизнь, глаза заблестели, голос зазвенел, все то, что обледелено — оттаяло.

— Поедешь? А я боялась спросить. Спасибо тебе, любимый.

— Конечно, я и сам хочу. Это же не завтра?

— Через месяц примерно.

— А детишек куда?

— Кириллу пока оставляю, им все равно с нами не нравится.

«А завтра мне ехать в Яффо, где я, может быть, встречу с самой удивительной, самой загадочной девушкой на земле — с Эсмой. Она, конечно же, придет не одна, с кем-то из родственников, так положено, но все-таки есть небольшой шанс, что одна, ведь мы живем в двадцатом веке, и не все даже в самой суровой среде рады их собственным правилам. К тому же я человек порядочный, это написано у меня на лице, и дурных слов и поступков от меня ждать не приходится. Мы отправимся с Эсмой бродить по старому городу, разглядывать все эти колонны и своды, что там любят нагромождать исламские архитекторы, зайдем на блошинный рынок, спустимся к морю. Я буду ее смешить и буду рассказывать ей серьезные вещи, а она поведает мне о себе, о своих планах на жизнь, о своих мечтах, о девичьих фантазиях. И если мы все же будем гулять одни, я надеюсь на это, я поцелую ее, клянусь, поцелую, даже если об этом проступке на следующий день узнает весь честной мусульманский мир, я обниму ее и поцелую, и пусть всей деревней, всем своим родом, всей армией они изловят меня и вырвут мне сердце, я отважусь на это, поцелую ее, девушки мне говорили — я умею хорошо целоваться, и мой поцелуй разбудит и в ней нечто иное, далекое, спящее до поры, то, что выше гор и религий, правил и предписаний, то, что не является ни страстью, ни похотью, но включает в себя и то, и другое, то, чем живы живущие и без чего они уподобляются мертвецам. Поцелую ее губы, глаза, невесомо положу руку на талию... Далее — как пойдет, но если случится хотя бы это, она — навеки моя. Славик опять потребует, чтобы я работал хотя бы до четырех, но в этот раз я и вовсе предупреждать не буду, что пропущу день, не выйду, и все. Вместо работы с утра поспешу на море, на пустынную набережную с редкими в будний день бегунами, пойду на Шавей-Цион навстречу восходящему солнцу, но, не доходя до поселка, перед мостом у руин античного храма остановлюсь, впитаю в себя все силы небесные и морские, они мне скоро понадобятся Эсму мою целовать; с распахнутой грудью, глазами, сердцем поверну обратно, побреду не спеша, глядя на белые далекие ливанские скалы, о самой прекрасной из всех девушек мира мечтаю. Да, я чувствовал и чувствую себя здесь Ионой в чреве кита, эта страна на карте и вправду напоминает кита, подвешенного (плывущего?) вниз головой к экватору, а Иона, разве он человек был? Голубь — означает это древнее имя. Человек Иона в чреве чудовища пропадет, как я пропадал: голодал, терзался, страдал, хворал. Но голубь Иона свободен влетать и вылетать из чудища, когда ему заблагорассудится. Ничто ему не помеха и никто не указ. Нужно быть голубем, чтобы пользоваться китом. Чтобы быть сильнее кита».

«Какие они здесь все торопливые, — размышляла Таня, питерская подруга Тани, — беспокойные, напряженные...» Вчера мужичок из Тиндера в нормальное кафе не позвал, пусть они об этом и не договаривались, затащил в «Кофикс», двадцать минут стояли в очереди вместе с солдатами, девчонка за стойкой оказалась их старой знакомой, взяли кофе на четыре шекеля дешевле, чем в любом другом месте, и булочку с шоколадом. Таня захотела присесть на минутку, но куда там: кавалер потащил ее к машине, старенькой японке больше двадцати лет, тут все на старье катаются, кофе заглатывали на ходу. Для местных это нормально: на поезд бегут со стаканом кофе в руке, в автобус заходят с кофе, толкуются в очереди на кассу, капая на соседей, не извиняясь, вежливость — не про них, все на скорую руку, суматошно, стремительно, ничего не замечая вокруг, они — центр Вселенной, какая разница, что там делают окружающие люди, коты, насекомые, камни — разновидности одного существа «не-Я». Даже дети — не более важны, чем сумка с продуктами; в каждом автомобиле, в котором возят детишек, активировано голосовое напоминание: не забудьте детей в машине. Но и

это не помогает: забывают, закрывают, оставляют на раскаленном солнце, каждый год пять-шесть ребятишек погибают от удущья в автомобилях родителей. И у этого идиота из Тиндера такая напиминалка: убегая за кофе, он не успел ее выключить. Таня бухнулась на заднее сиденье, с ее формами там просторнее, кофе слегка обожгло руку.

— Куда поедет, на пляж? — Таня очень хотела на пляж, но Таня и Кирилл почти круглосуточно на работе, а без них как-то боязно: не дадут ей спокойно позагорать в одиночестве.

— Конечно, на пляж, дорогая, — рассмеялся тиндерчанин и завел двигатель.

Мужчина отвез ее к дикому пляжу: красивое место, скалы, песок, живописная лагуна с зеленоватой, искрящейся на солнце водой... Спустя несколько минут мужчина разблокировал двери. «Я пойду к морю? — спросила оробевшая девушка. — Конечно, сходи, моя хорошая, отдохни как следует, посмотри, какой здесь красивый берег. Мне необходимо отъехать, забрать с работы жену, а потом ребенка из школы, мы планировали сегодня в пиццерию вместе сходить». Мужчина уехал, оставив Тане красивый берег, зеленое море, поросшие морским мхом камни, в море кувыркались разноцветные рыбки приятным бонусом от всего приключения. Где там рестораны на Невском, суши и рамен на Литейном, да хотя бы пышки на Большой Конюшенной; а прогулки по Неве на кораблике со сладким шампанским и поцелуями, а напыщенный Эрмитаж, демократичный Русский музей, а торговые центры, ломящиеся от покупателей и ассортимента, которому позавидует любая Европа; а теплые вежливые отели, именно — весь отель, как один внимательный услужливый человек, радующийся тебе, как любимому родственнику, несущий тебе самые теплые одеяла, стелющий под ноги мягкие, ласковые дорожки, на которых ни волоска, ни соринки; постельное белье дышит, номера блестят, персонал улыбается. И какая разница, с кем ты пришла в отель, с мужем подруги или с вузовским одноклассником, со случайным мужчиной или с давно запланированным рассматриваешь живопись в Эрмитаже; директор фирмы, в которой ты трудись, или только курьер пригласил тебя на речную прогулку. Важно, что во всех этих случаях вокруг тебя красота, комфорт, удовольствие, ты в красоте, красота в тебе, и даже если в какой-то момент ты засомневаешься в собственной природной красоте, пейзаж вокруг тебя, здания, люди тебе напомнят: ты красива, Танечка, как и все мы, поскольку в Санкт-Петербурге в принципе не может быть ничего некрасивого. Таня заплакала.

На следующий день на работу все-таки пришлось выйти. Страну охватили забастовки и акции протеста, демонстранты вышли к правительственным зданиям, перегородили шоссе Аялон — главную дорогу страны. Протестующие требовали отставки правительства, юридической реформы. Звучали лозунги против повышения цен, тяжелых условий труда. Предприятия, офисы, больничные кассы, заведения сферы услуг в центре страны не работали. Север, как всегда сонный, инертный недовольство свое не выразил, владельцы предприятий на севере поддержали правительство и во избежание недоразумений загодя предупредили своих сотрудников об обязательном присутствии на рабочем месте как минимум до четырех часов вечера именно в этот день, слушникам грозило немедленное увольнение и штраф за нарушение договора. Так же поступили и хозяева предприятия, где трудился Антонов. «Ничего страшного, — решил для себя Сергей, — если грамотно организовать, до семи он успеет в Яффо, может быть, опоздает на пять-десять минут».

Как ни странно, Эсма тоже пришла на работу, хотя официально не была работницей предприятия, заставить работать владельцы ее не могли. А ее товарок не было ни одной.

- Где же твои подружки? — по-приятельски поинтересовался Антонов.
- На протесты поехали.
- Против чего же они выступают?
- Много есть против чего выступать, — усмехнулась Эсма.
- А ты что ж не поехала?

Эсма странно на него посмотрела и ничего не ответила. Разговаривать не хотелось. Антонов переживал в уме грядущую встречу и решил приберечь красноречие для нее.

Подавляющее большинство постоянных рабочих протесты проигнорировали и вышли к станкам, но в атмосфере ощущалось непонятное напряжение; казалось, и здесь, в этом дисциплинированном, тусловом, социально аморфном человеческом уголке, в любую секунду может произойти взрыв возмущения. Но до четырех часов, когда Антонов засобирался домой, взрыв не случился. Машины деловито стучали, начальники с подчиненными перебрасывались привычными шуточками. К его удивлению, когда полцеха направилось к раздевалкам, Эсма не сдвинулась с места.

- А ты что же домой не идешь? — беспокойно оглянулся Антонов.
- Я до семи сегодня, — равнодушно ответила девушка.

— Как до семи? — заволновался Сергей. «А как же наше свидание?» — едва не вырвалось у него. — Разве тебе никуда не нужно? — все же отважился он спросить.

— Сегодня — нет. Разве я говорила, что мне куда-то нужно сегодня? — отвечала девушка, улыбаясь. — Может, и нужно, но я не помню куда.

Продолжительность рабочего дня согласовали заранее, задерживаться не имело смысла. Антонов в толпе прочих сотрудников вышел с завода, направился к автобусной остановке. Если Эсма здесь, кто же тогда ждет его в Яффо? И ждет ли его там кто-нибудь? Похоже, вся эта история — шутка каких-то скучающих идиотов. Можно, конечно, подыграть шутникам и все-таки съездить в Яффо, чтобы посмотреть, что из всего этого выйдет, но Антонова волнует лишь Эсма, она одна, и никто кроме нее Сергею неинтересен. «Домой», — решил он, и в ту же минуту к остановке подъехал автобус.

— Даня пропал, — встретила Таня на пороге.

— Как пропал, почему ты не позвонила?

— Я звонила, ты, наверно, не слышал. Утром ушел в школу, но в школе его не видели. Вместе с ним пропал еще один мальчик, Алеша, его друг.

— Мальчишки, лезят где-нибудь в лесу или крепость какую нашли... — беззаботно брякнул Антонов. — В полицию сообщала?

— Уже несколько часов ищут. В лесу? Крепость? Они же домашние мальчики, Алеша на скрипке учится, а Даня...

«Дебил», — хотел вставить Сергей, но сдержался.

— Я тоже хочу пойти хоть набережную осмотреть, вдруг они где-то на спортплощадке или у моря балуются. Сходишь со мной?

В начале шестого на набережной пустынно. Когда стемнеет и закончится полноценный двенадцатичасовой рабочий день, на берег выйдут семьи с детьми, займут лавочки и беседки, папы и мамы откроют вино, достанут кошерное мясо, малышня устроит вокруг лавочек беготню, полетят мячи, понесутся стрелой самокаты. А пока редкий велосипедист выкатится на дорожку, сожурившись на еще жаркое солнце, покрутит педали за горизонт, да серфингисты вдали упаковывают свои разноцветные доски, запрыгивают в пикапы. Под грибком на безлюдном пляже на чемоданах дремлет местная сумасшедшая, и зимой и летом ночующая под открытым небом, из одной лишь скупости отказывающаяся арендовать жилье. Добродушный и тоже с сумасшедшинкой американец в ковбойской шляпе на украшенном воздушными шарами трехколесном велосипеде, включив на полную громкость в стареньком магнитофоне шлягеры семидесятых годов, черепашьям ходом с утра до глубокой ночи патрулирует берег, не давая уснуть обитателям дорогих вилл и отелей на первой линии. Он и сейчас здесь, постаревший, выгоревший на солнце, потрепанный, как американский флаг на военной базе, которую давно покинула армия США.

— Ну что за ребенок! — восклицает Таня в сердцах. — Раньше только дома сидел, хоть спокойно было. А теперь пропадать начал. Ладно, ты ничего не делаешь: не учишься, не помогаешь по дому, не ходишь ни на какие кружки, секции, не увлекаешься ничем, так ты хотя бы не доставляй неприятности. Так нет же, он доставляет. Что мне с этим поделать? — горестно всплеснула руками Таня.

На берег вынырнула полицейская машина со включенной мигалкой, направилась к Тане с Антоновым.

— Нашли вашего мальчика! — еще издали заорал офицер. — Живой! И даже не ранен.

Таня обмякла, в глазах заблестели слезы. На всякий случай Антонов приобнял ее за талию.

— Что с ним, где вы его нашли?

— Заскакивайте в машину, сейчас я вас отвезу, — полицейский джип поравнялся с парочкой, Таня с Антоновым залезли в машину. — Вообще-то мы не объявляем поиски в первый же день пропажи, но, как я понял, мальчик у вас с отклонениями, поэтому мы пошли на уступки, — офицер развернул машину. — Он в другом конце набережной, с вертолета его заметили, шел на плоту в двух километрах от берега.

— Данечка? На плоту? В двух километрах от берега?

— Да, наши ребята его допрашивают. Плот собирал несколько месяцев, ради этого прогуливал школу.

— А направлялся-то он куда, в Америку?

— К папе на родину, говорит.

Таня с Сергеем переглянулись.

— А Алешенька с ним, вы нашли Алешеньку?

— Еще раньше, чем вашего сына. В одном из публичных домов на Мерказит-Амифрац в Хайфе, домой везем хулигана.

Мокрый, замерзший, скрюченный, на песке в окружении полицейских сидел

Данечка, рядом валялся полуразвалившийся плот: некрепко связанные между собой доски и детские надувные круги в форме утят, дельфинов и смеющихся рыбок.

— Вот он, ваш мореход, забирайте, — полицейский с улыбкой махнул в сторону Данечки, — и впредь, пожалуйста, следите за ним повнимательнее. Если он начал выкидывать такие штуки, то, скорее всего, рецидивы не за горами. И да, — добавил офицер, посерьезнев, — мы вынуждены сообщить о происшествии в органы опеки, таков порядок. Вас навещают сотрудники социальных служб, проверят домашнюю обстановку, проведут опрос, в общем, все как полагается...

Таня, недослушав, бросилась к сыну, схватила его в охапку, потащила к полицейской машине. Неожиданно Данечка, в жестоком ознобе поначалу прильнувший к маминому плечу, вырвался и с диким воплем схватился за плот.

— Держите его, он снова сбегает! — закричала Таня.

Полицейские бросились за мальчишкой, но тот удирать и не собирался: деловито от одной из досок плота он отодрал полиэтиленовый кулек и вернулся к матери.

— Что это, сына? — тревожась, спросила Таня.

— Деньги, — буркнул Данечка и полез на заднее сиденье полицейской машины.

— Скажи мне, — дома пытал Антонов уже сытого, обогретого Данечку, — что ты конкретно планировал?

— Вернуться на родину к папе.

— Но как?

— На плоту.

— Каков же у тебя план?

— Отойти как можно дальше от берега, чтоб не задержали военные катера, а потом грести на северо-запад к Турции, там уже и до Босфора недалеко. А где Босфор, там и Черное море.

— А еда, чем ты намеревался питаться?

— Я все рассчитал. Во-первых, Босфор отсюда не так далеко, максимум день или два ходу, а день без еды можно вполне продержаться. Во-вторых, дойдя до берегов Турции, я планировал короткие стоянки в основных портах, где я покупал бы себе самое необходимое: туалетную бумагу, чипсы и газировку, деньги я предусмотрительно завернул в полиэтилен и прилепил скотчем к одной из досок плота.

— Да, мы видели. В какие же порты Турции ты рассчитывал заходить?

— Анталя, Измир, Стамбул.

— Хватит! — терпение Тани лопнуло. — Прекратите нести ахинею! Ты бы и трех километров на своих досках от берега не отплыл, тебя бы волной захлестнуло. А если б и отплыл, какова скорость плота? Какие расстояния ты собирался преодолеть? И сколько реально это могло занять времени? Садись за математику, полудурок. Таблицу умножения выучи! Любой мореплаватель прежде всего должен уметь считать, иначе его корабль просто утонет.

— Почему же ты все-таки вознамерился нас покинуть? — издевательски вкрадчиво спросил Антонов у пасынка.

— Да потому, что достали вы все меня, — тут уже терпение иссякло у Данечки. — Этот с этой, тот с другой, та с третьим, третий с пятой, я не понимаю уже ничего: кто мне мать, кто отец, где мой дом, какой мой родной язык, где моя родина. Документов у меня нет, прежней родины паспорт просрочен, здесь сколько мы раз ходили, мама, скажи, пять, десять, пятьдесят раз — нас встречают разные люди, но задают одни и те же вопросы, о родителях, о дедушках с бабушками, о сестренке, о том, какой зубной пастой мы чистим зубы и спят ли мама и папа в одной постели, спрашивают, записывают, вносят в компьютер и все равно ничего не дают, никакой, даже самой вшивой бумажки. Я никто здесь, меня не существует, если бы я сейчас утонул, меня даже вычеркивать неоткуда, меня нет ни в одном из списков. Если вы, например, захотите меня задушить подушкой, а потом расчлнить мое тело и съесть, вы легко можете это сделать, меня ни одна живая душа не хватится. Сколько еще я должен это терпеть?

У Антонова спасительно заверещал телефон, невольно прервав Данечкину тираду.

— Прошу прощения, я должен ответить, — прижав трубку к уху, Антонов ушел в комнату, притворив за собой дверь. — Я слушаю.

— Вот именно, ты слушай и не перебивай, — раздался в трубке уже знакомый голос, — ты опять не пришел в назначенное место. И этим ты самому себе сделал плохо, очень плохо. Я настолько расстроен, что не могу сейчас тебе ничего сказать из того, что должен сказать. Та, которую ты смертельно обидел своим высокомерным пренебрежением, завтра сама тебе все скажет. Жди.

— Но сегодня она работала до семи, я сам это видел, ее физически не могло быть вечером у старого маяка в Яффо! — заорал Сергей в трубку, не поняв, что собеседник минуту назад прервал разговор. — Черт тебя подери, — выругался Антонов, — как

вообще с ними можно общаться?

В дверь тихонько поскреблась Таня.

— Можно к тебе?

— Конечно, можно, любимая.

— Какие-то проблемы?

— Нет, все хорошо. С работы звонили.

— Понятно, — вздохнула Таня, присела на край кровати. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Конечно, моя хорошая. Как Данечка?

— Спать пошел, вроде чуть-чуть успокоился.

— Все хорошо будет, родная, не переживай. Ему непросто, но мальчик растет, взрослеет, и он справится.

— Да, конечно. О нем я и хотела с тобой поговорить. Не могу я его сейчас оставить, понимаешь?

— Понимаю.

— И с собой в Санкт-Петербург взять не могу, если он выедет из страны, весь процесс получения им документов сорвется, и придется все начинать с нуля.

— Понятно.

Таня замаялась. Сергей не спешил, он начал догадываться, к чему она клонит.

— Если я напишу на тебя доверенность, — выпалила Таня, — съездишь в Питер вместо меня, решишь то, что нужно с домом? Танька тебе поможет, она планировала тут три месяца отдыхать, но ей уже надоело. И я буду всегда на связи. Не хочется дом потерять, пойми. Но и детей бросить... Не сейчас, не в такой ситуации.

Антонов кивнул. Но как же Эсма? Завтра обстоятельства прояснятся, они — кто эти они? — объяснят, наконец, Антонову свои трюки и что вообще происходит. И хорошо, что разъяснение придет из уст самой Эсмы, единственной причины, из-за которой опытный, прожженный Антонов стал участником всей этой глупой комедии. А потом можно ненадолго уехать. «Питер так Питер, здравствуй, серая депрессивная красота. А Эсма, ничто не затемнит ее образ, никакая дурацкая выходка ее прислужников, ни резкое слово, брошенное ей самой, ни презрительный осуждающий взгляд. Отныне эта девушка, ее необыкновенный небесный лик со мною навеки, — восторженно думал Сергей. — Если я и уеду, я увезу ее в моем сердце, но не откажусь от нее никогда. В горе и в счастье, в достатке и в голоде, с вершин небес и из глубины морей, из любой точки мира, с роскошных Елисейских полей или с проспекта «Красноярский рабочий» где-нибудь в захолустье я буду стремиться к ней всеми помыслами, всем своим существом, никогда не оставляю попыток приблизиться к Эсме, разгадать ее тайну. Пусть со свиданиями не получилось, пока можно обойтись и без них. Главное, создать между нами связь, организовать постоянное общение, чтобы на любом расстоянии и в любое время Эсма помнила обо мне, ждала моих слов, моих сообщений. Поэтому важно во время завтрашнего разговора вывести е-мэйл, выудить номер ее телефона. Это станет ниточкой, связующей наши чувства, едва приметным руслом для зарождающегося потока наших пламенных отношений». Руслом, которое он, Антонов, будет углублять, укреплять, украшать день за днем, и по которому, в конечном итоге, понесется река их подлинной и взаимной любви. Но чтобы все прояснить и наладить контакт, нужно время, совсем немного времени.

— Вообще... — начал Антонов.

— Что? — встрепенулась Таня. — Уже передумал?

— Можно отложить эту поездку хотя бы на месяц, на полтора, у меня есть еще кое-какие обязательства по работе?

— Я вообще-то рассчитывала начать как можно скорее, но если тебе нужен месяц, конечно, месяц так месяц. Ты же, в принципе, не обязан ехать, а согласился лишь потому, что любишь меня? — Антонов кивнул. — Спасибо, родной, — Таня благодарно чмокнула его в щеку.

«Телефон мне ее не узнать, как ни старайся. Сами попытки выяснить ее номер могут быть интерпретированы как харассмент. Поэтому в завтрашнем объяснении нет никакого смысла. Что бы она мне ни сказала, я не верю, что звонки о свиданиях совершались от ее имени, вероятнее всего, даже без ее ведома. И сейчас ее родственники, или кем они там на самом деле являются, накачают исключительную, самобытную девушку, чуждую любой фальши, своими пустыми фразами, обывательскими предрассудками, жалкой корыстью, принудят отгарабанить передо мной этот бездумно заученный материал, в надежде выхватить от меня хоть кусочек желаемой сатисфакции. Как я перенесу такое глубокое унижение своей любимой, как вытерплю это? Я избавляю ее от необходимости что-то мне говорить, требовать, объясняться. Какие бы ни произошли катаклизмы, забастовки, приказы, войны, завтра

я не приду, и пусть ее день будет безоблачным и спокойным. А чтобы утихомирить ее родных, приблизиться к ней самой или уже навсегда удалиться, и самое главное, снять с души моей тайну, открыться перед любимой, я напишу ей сам, искренне, без прикрас и уверток, только то, что спрятано в моем сердце».

«Дорогая, необыкновенная, удивительная, волшебная Эсма. Любимая. С превеликим трудом я нашел тебя в социальных медиа, точно даже не зная, как пишется твое имя. Сначала я набирал его латинскими буквами, пробовал разные варианты, но ни один из предлагаемых профилей не был похож на твой. Потом я додумался посмотреть в переводчике, как по-арабски выглядит твое имя, скопировал его в поиск и тут же увидел твое лицо, столь безмятежное, столь прекрасное. По-настоящему я не знаю, зачем я тебе пишу, более того, я совершенно уверен, что письмо мое бесполезно. Ты никогда не будешь со мной, заметь, здесь должно бы стоять «не будешь моей», но я даже в письме это вымолвить не осмеливаюсь; не будешь гулять со мной, разговаривать, смеяться моим примитивным шуточкам, пить кофе в кафе, ходить в кино или на пляж, рассказывать мне истории из своего детства или то, что тебе приснилось, что напугало, что привлекло внимание. Мы не сможем дружить, перезваниваться, когда нам плохо или, наоборот, хорошо, делиться обидами и тем, что тревожит. Единственное, что нам доступно, это встречаться во время работы, произносить бездушные формулы «привет», «как дела», «пока», корректно-приторно улыбаясь, соблюдая не нами придуманные границы. Ты не можешь себе представить, любимая Эсма, как тяжело мне держаться в этих границах, как страстно мне хочется дотронуться до твоей руки, коснуться волос, услышать твой неподдельный голос, не скованный оковами непонятого мне этикета. Когда от твоего имени незнакомые люди приглашали меня на свидания, я еще верил, что наша встреча возможна, что в стене правил мы способны пробить для нас небольшую брешь, что ты тоже испытываешь ко мне пусть пока еще не глубокое чувство, но хотя бы интерес, любопытство. Я представлял себе наши прогулки по Яффо и Вади-Салиб, наши легкие, незатейливые беседы, твой уже хорошо знакомый мне запах и запах летнего вечера в этих колоритных районах, полных истории и загадок, как и ты полна тайны, моя дорогая Эсма. Но планировались ли эти встречи в действительности? Ведомый каким-то игривым ангелом, я путал договоренности и оказывался в не тех местах, где, как меня уверяли, ты меня ожидала, или не оказывался вовсе. Ожидала ли ты меня, моя Эсма? Я полагаю, что нет. Впоследствии, когда мы работали вместе, ты ни словом, ни взглядом не показала, что тебе известно об этих несостоявшихся randevu, не выдала себя и намеком, не позволила и нотке разочарования или насмешки прозвучать в твоём голосе. Так не бывает, Эсма. Все это говорит лишь о том, что ты вовсе не знала об этих фантомных встречах, что какие-то люди разыграли меня у тебя за спиной, жестоко используя мое к тебе чувство. Я знаю, Эсма, что ты ни при чем, но даже если б это ты надо мною подшутила, от тебя я принял бы все: издевку, пощечину, ложь, презренье, предательство. Но ты неспособна на зло, все недостойное рядом с тобой затухает, превращаясь в небесное, незапятнанное. Я очень люблю тебя, Эсма. Не исключено, что вскорости я уеду надолго, может быть, навсегда, но каждый миг вдали от тебя я буду повторять твое имя, вспоминать те волшебные несколько дней, что мы провели, вместе работая. Вопреки всем законам я буду мечтать о тебе, желать тебя и молить небеса, чтоб они мне тебя даровали».

«Здравствуй, Сергей. Пишет тебе Анрам, я работала вместе с тобой и с Эсмой все недавние дни. Эсма показала мне твое письмо, которое потрясло ее до глубины души, хотя внешне это и не очень заметно. Эсма — очень закрытая девушка, и только ее близкие друзья могут понять, что происходит с ней на самом деле. Ты подумаешь, что Эсма поступила неблагоприятно, даже подло, ведь показывать такие письма, полные чувства, страсти, не принято. Но поступила она так по одной причине: девушка, которая пыталась устроить свидание с тобой, была я. Да, я, и Эсма об этом знала. Я не скажу, что потеряла из-за тебя голову, не скажу, что влюбилась в тебя, я бы даже не сказала, что ты мне очень уж нравишься. В нашей культуре вообще девушки сообщают такое. Но ты обращал на меня внимание, смотрел на меня, спрашивал о моей семье, о моем детстве, о том, где я живу и на кого учусь, люблю ли я путешествовать, кто мои любимые музыкальные исполнители, шутил со мной, уточнял какие-то выражения на арабском, а однажды, когда мне не хватило стула, ты принес мне его, что я могла подумать? Я и решила, что у тебя ко мне серьезные намерения, и, немного подумав, я сочла, что мы можем стать неплохой семьей, твоя энергия и мой ум, слившись воедино, создадут жизнестойкую единицу, способную выживать в столь сложном иерархическом обществе этой страны. Естественно, ты должен будешь принять мою веру, мою религию, иначе вместе нам быть не позволят. Бояться тут нечего: наша вера — самая

гуманная, самая благородная в мире, наша религия — религия истинно свободных людей. Освоить наши законы и правила и неукоснительно соблюдать их тебе поможет моя семья, мои братья. Ты, конечно, еще не знаешь, но я очень целеустремленный и решительный человек, и если я что-то задумала сделать, я обязательно это сделаю, чего бы мне это ни стоило. Я благодарна Эсме за то, что она показала мне письмо от тебя, это письмо мне очень понравилось. Во мне самой очень мало романтики, нет таких порывов, что я в тебе обнаружила, читая это письмо, что ж, тем лучше, чувства твои милы, трогательны и наивны, они, безусловно, характеризуют тебя как порядочного, хоть и увлекающегося, человека, которому как раз и нужна такая разумная, серьезная подруга, как я. Не сомневаюсь, что в течение ближайших нескольких дней ты примешь правильное решение, которое ты и сообщишь моим братьям, когда они с тобой свяжутся. P.S. В Аль-Халиссе живет моя тетя, мы выглядывали тебя целый вечер, просто хотели с тобой погулять. Я хотела».

Невысокая полненькая девчушка в очках, кажется, это Анрам. Антонов действительно с ней изредка перекидывался словом, спрашивал о том, о сем так, как он спрашивал многих — из праздного любопытства, чтобы убить вялотекущее рабочее время. Никаких особенных знаков внимания не поступало с его стороны, он даже не уверен, та ли это девчушка — Анрам. И если он ей не так уж и нравится, как она говорит, зачем тогда она затевает все это предприятие по женитьбе его на себе? Допустим, она, как сама утверждает, человек рассудочный, человек без чувств, значит, в ее решении завуалирован какой-то расчет, непонятный Антонову. И что ему остается: подчиниться, стать частью схемы, для него самого лишенной всякого смысла, сменить язык, культуру, обрести религию, пускай самую распрекрасную во Вселенной, но все же религию, что для антирелигиозника, коим себя представлял Сергей, равносильно самосожжению, либо бежать, как можно дальше и как можно быстрее, просто отказаться от брака — нет такой опции, Анрам со своими братьями не оставят его в покое, это видно по тону ее письма, это соответствует их традиции, гласящей, что с девушками шутить не рекомендуется.

«Мне нужно с тобой посоветоваться, прости, что я тебя беспокою, я знаю, ты вряд ли ко мне хорошо относишься, Танечка наверняка наговорила обо мне всякого, ее можно понять, да я и вправду, наверное, не очень хорош, и если она в данный момент времени выбрала быть с тобой, то ничего не поделаешь, я смирился, хотя поначалу тебя ненавидел. Но ей с тобой лучше, а я желаю и всегда желал ей добра, счастья, и если она сейчас счастлива, значит, счастлив и я, ведь я люблю ее, по-настоящему, всей душой, всем сердцем. Но те вещи, которые я хочу тебе рассказать, я не могу рассказать ей, как не могу сообщить и никому другому. Таня и так на меня в обиде, похоже, считает меня ненормальным, эгоистичным, скупым, и если я ей поведаю то, что сейчас расскажу тебе, я боюсь, она меня разлучит с ребенком, с моей любимой дочуркой Танюшкой. Про то, чтобы сказать кому-то еще, нет и речи: кого я знаю в этой стране, кому вообще здесь можно довериться: все предают друг друга, продают, стучат, насмеются над оплошностями другого или, что самое безобидное, просто не берут твои беды в голову, слушают вполуха, занятые сами собой. Так и получается, Серега, что кроме тебя, человека, уведшего от меня жену, мне и поделиться-то не с кем. А ты, я знаю, прочитаешь, поймешь. Уже несколько дней подряд мне является человек, он как видение, но и реальный одновременно. Впервые я увидел его, когда провожал Танечку до дому, он заговорил со мной почти у твоего подъезда, в аллее. Я тогда планировал посетить одного из великих раввинов, надеясь, что кто-то из них поможет распутать тот жизненный клубок бед, что на меня в последнее время свалился. Я долго не мог решиться, какого раввина избрать в советчики, как раз размышлял об этом, когда человек-видение заговорил со мной. Каким-то чудодейственным способом, гипнозом, кодовством, он отправил меня в прошлое на несколько лет назад, и я стал свидетелем убийства одного из раввинов, которого планировал посетить. В этой мистификации я выступил в роли убийцы. Придя в себя, я отправился домой с чувством стыда и тревоги. Понимаешь, я хотел посетить раввина, который давно мертв, так разве я не безумен? Нам кажется безумной эта страна и все, что здесь происходит, но кто я такой, чтобы судить о происходящем здесь, имею ли я право, жалкий релокант, не знающий толком ни языка, ни местной культуры, иметь мнение о реалиях, формировавшихся здесь столетиями, о людях, оперирующих контекстом, о котором у меня нет ни малейшего представления. Но для чего явился мне этот человек, не для того ж, чтоб дать мне почувствовать угрызения совести, вряд ли я такая значительная персона, чтоб кто-то заботился о моем душевном состоянии, кроме меня самого. Зачем, почему — вопрос так и остался открытым, но с того дня незнакомец стал являться мне регулярно: в транспорте, на работе, вечером, когда я смотрю телевизор, иногда даже ночью, когда

в постели я не один. Чаще всего он молчит, иногда затевает беседу о вере, религии и о втором раввине, которого я планировал посетить о Давиде Абухацира. Лицо его почти всегда скрыто одеждой, но по кое-каким историям, что он рассказывает, по некоторым чертам лица, что мне удалось приметить, благодаря интернету я опознал его: это величайший из всех праведников-раввинов, давно умерший Баба Сали, мавзолей его находится в Нетивоте, а те раввины, к которым я собирался сходить за советом, его внуки. Но то, что я установил его личность, никак не объясняет цели его визитов, я пытался спрашивать напрямую, но он уходил от ответа. В общем, во всей этой истории не было бы для меня ничего страшного, если б не одно но... Моя любимая дочка Таня. Ты знаешь, что она маленькая совсем, посещает детсад, играет на детских площадках — обычная хорошая девочка. Но буквально позавчера я случайно подслушал ее разговор со своими куклами. Серега, ты не поверишь, я не знаю этот язык. Теперь она говорит на этом языке постоянно, не со мной, нет: с игрушками, с животными, сама с собою. Мне удалось записать на диктофон ее речь, я показал запись знакомому лингвисту, что работает вместе со мной в гараже, чинит машины. Он признал в сумбурном Танечкином лепетании один из диалектов древнеарамейского языка, бывшего в обиходе на этих землях тысячу лет назад. Я боюсь за нее, Серега. Я потерял жену и не хочу потерять дочку. Но я теряю ее, я это чувствую. Я очень ее люблю, мою маленькую Танюшку, и если еще и она покинет меня, то жизнь моя лишится всякого смысла. Что затеял в отношении меня и моей семьи Баба Сали, как догадаться? Что бы он ни затеял, вряд ли мне понравится его замысел. Я должен еще кое-что тебе сообщить. Как известно, для Бабы Сали и при жизни не существовало материальных границ, он свободно путешествовал по временам и пространствам и являлся людям, когда ему было угодно. Однажды он явился маленькой девочке и принудил ее выйти за него замуж, а ему тогда исполнилось уже около девяноста лет. Я очень боюсь за Танюшку, Серега. И я прошу тебя мне помочь. Я знаю, что ты уезжаешь, что Таня попросила тебя помочь с оформлением дома... Возьми, пожалуйста, мою дочку с собой, пока еще не поздно, пока не случилось ужасное. Денег я тебе дам, тебе нужно только сопроводить девочку до Санкт-Петербурга, а там дедушка и бабушка ее заберут. Разрешение на ребенка на твоё имя я оформил, Таню попробуй уговорить сам, выдумай что-нибудь, боюсь, она не поймет истинных причин моего беспокойства. Очень тебя прошу, увези, спаси моего ребенка, я буду тебе вечно признателен. Кирилл».

— Тогда забирай и Данечку, — возмутилась Таня. — Ты видишь, как мальчику здесь тяжело? Мы только что вытащили его из моря — вот до какой ступени отчаянья он дошел. Друзей у него нет, учиться плохо, скоро ему в армию идти или работать, а он одеваться самостоятельно не умеет: то шнурки развязаны, то ширинка расстегнута. А Танюшка, в отличие от братика, более-менее адаптировалась: в детском саду у нее куча друзей, воспитатели ее любят, ей все здесь нравится и все интересно. Папаша ее не хочет заниматься воспитанием собственного ребенка, не уделяет ей времени, денег жалеет: малышка до сих пор играет в приставку, выпущенную еще при царе Горохе — вот это проблема. А у ребенка нет никаких проблем. Ладно, нет ничего страшного в том, что девочка погостит у бабушки, я хорошо знаю родителей Киры, долго они внуку терпеть не будут, максимум через месяц отправят ее обратно. Но отпущу я ее только в том случае, если ты заберешь и Данечку... Ах, тебе вообще все равно? Тогда я прошу тебя, милый, заberi и Данечку тоже, пока он здесь окончательно не пропал. Может быть, он с домом тебе поможет или ты его научишь чему, вдвоем и повеселее. Наверное. Прошу тебя, хотя бы на некоторое время увези мальчишку отсюда, поездка на пользу ему пойдет, повзрослеет, вернется другим человеком, посмотрит на жизнь свежим взглядом, глядишь, и узрит что-нибудь позитивное. Разрешение я сегодня оформлю. И билеты куплю на ближайшие дни, ведь полтора месяца ждать отпала необходимость, я правильно поняла?

Черный пластик автобусной остановки притягивает солнечные лучи, тем не менее, Антонов пристроился внутри на металлической лавочке, в духоте, лишь бы не быть на открытом солнце, не хватануть удар напоследок. Горькое прощание с зеленой водой его любимого пляжа получилось скомканным: народу оказалось более, чем обычно, зелено-белые зонтики отдыхающих крутились, перемещались в несвойственном им бешеном ритме, мальчишки орли особенно звонко, яростно, вода проскальзывала меж пальцев равнодушно, будто и не касаясь, а рыбы, прежде норотившие куснуть за лодыжку, и вовсе не замечали аппетитных мясистых ножек Антонова; вроде он был еще здесь, но словно уже и не был, для всего окружающего он превратился в подобие гигантской безопасной медузы — прозрачной и неинтересной, разлагающейся в песке. На лавке рядом с Антоновым примостились два паренька, очевидно, с ближайшей стройки: рабочий костюм, запыленные лица. Заговорили между собой по-арабски.

— Когда будет автобус? — лениво спросил Антонов, он никогда не брал на пляж телефон. Один из пареньков покопался в расписании.

— Через полтора часа, — произнес он, лыбясь ехидно. Понятно, подумал Сергей, юмор местных кретинов. Ему прекрасно известно, что максимальный интервал между отправлениями полчаса. — Я пошутил, — признался строитель, — через двадцать минут придет.

Ха-ха-ха, я умер от смеха, издевательски подумал Сергей, но ничего не сказал.

— Ты еврей? — неожиданно спросил его собеседник.

— Да, — просто ответил Антонов, какая уже разница?

— А мы из Тулькарема, — доверительно сообщил строитель, — знаешь Тулькарем, двадцать минут от Нетании?

— Знаю, это на территориях.

— Да, — гордо сказал араб, — это Палестина. Королева Иордании Рания из нашего города, точнее, ее семья.

— На стройке работаете? — из вежливости поинтересовался еврей Антонов.

— Да, я — электрик, а он, — парень показал на товарища, — с бетоном работает.

— Нравится?

— Да, деньги хорошие платят, в пять раз выше, чем в Палестине за ту же работу.

— Дома, поди, себе на родине строите?

— Пока нет, семьи нету — зачем дома? Путешествуем.

— И куда же?

— Я в Мяке был, — строитель листает фотографии в телефоне, показывает Антонову себя на фоне мечетей.

— Где это — Мяка?

— Не знаешь Мяку? — они перекидываются фразами, пытаются что-то объяснить.

— Самый главный город на всем белом свете, неужели не слышал?

Наконец, до Сергея доходит:

— Мекка!

— Мяка, мяка, — радостно закивали они. — В аль-Кудс часто ездим, — добавил строитель. Здесь Антонов не оплошал:

— Иерусалим, я понял.

— Аль-Кудс — так более грамотно, — поправил его араб. — Аль-Кудс, по-вашему Иерусалим, — наш город целиком и полностью, — уставился на Антонова парень, ожидая возражений.

— Ваш, конечно, какие сомнения.

«Что я, пушусь с ними в споры? Их, так их, точно не мой, мне он даром не нужен».

— Забирайте! — с интонацией героя известного советского фильма пробурчал Серега. Палестинцы обрадовались так, будто в эту минуту аль-Кудс действительно передали в палестинскую юрисдикцию.

— Мы всех евреев оттуда выгоним, — закрепили они успех. Антонов кивнул:

— Правильно, нечего евреям там делать.

К остановке подъехал автобус. Ребята прошли в конец салона, Сергей уселся поближе к двери: в городе набьется толпа, не хотелось продираться к выходу сквозь плотные, потные, неуступчивые животы и спины сограждан.

Едва Антонов начал собирать чемодан, позвонила Таня:

— Таня с тобой не поедет.

— Почему же? — без малейшего интереса спросил Сергей.

— Кирилл погиб. Сегодня произошло покушение на раввина Давида Абухациру, прямо во время приема посетителей в ешиве человек набросился на него с ножом. Охрана среагировать не успела, но в очереди оказался Кирилл, он пришел за советом к раввину, как давно собирался. Наверное, сказала высокая профессиональная подготовка, он же в России работал в полиции и в охране, в мгновение ока Кира нейтрализовал нападавшего, но тому удалось ранить Кирилла. Поначалу всем показалось, что ранение несерьезное, и скорую помощь не сразу вызвали, а когда все-таки скорая прибыла в ешиву, Кира потерял столько крови, что спасти его не было шансов, по дороге в больницу он умер.

— А раввин? — зачем-то спросил Сергей.

— Раввина он спас, на нем — ни царапины. Мы сейчас с Танюшкой едем в больницу, она ни в какую не хочет покидать папу, говорит все время какие-то слова непонятные. Я не могу ее в таком состоянии отпустить с тобой. Я ей нужна сейчас. А ты уж езжай, пожалуйста. Ради меня. Очень тебя прошу, мне нужен этот дом, понимаешь?

— Конечно, я еду, это не отменяется. А Данечка где, почему он не пакует вещи?

— Позвони ему, ты же знаешь, он такой необязательный. Мы уже подъезжаем к больнице, в ближайшее время на телефоне меня не будет.

Танечка отключилась. Антонов попробовал позвонить Дане, но телефон мальчишки оказался вне доступа сети. Вместо Данечки объявилась Таня.

— Антонов, ты где? — кричала она в трубку.

— Вещи собираю, вечером летим в Петербург.

— Антонов, я на Нахаль Бейт-Азбек, меня знакомый из Тиндера на рыбалку сюда привез. Мы сейчас под мостом сидим, спрятались. Ты что, ничего не знаешь?

— Что же я должен знать?

— Война началась. Налет беспилотников. Нас бомбят тут, как мы будем выбираться, не знаю. Скорее всего, перекроют центральное шоссе, поэтому если ты хочешь добраться до аэропорта, выезжай прямо сейчас. Хотя рейсы тоже, скорее всего, отменяют — идет массированный обстрел ракетами с юга. Все же поспеши, может, у тебя получится выбраться. Меня не жди уже, я не поеду. Этот новый знакомец из интернета... такой шалун, — Таня плотоядно хихикнула. В трубке что-то бабахнуло. — Удачи тебе, — на прощание крикнула Таня. Связь прервалась.

Наконец, ответил и Дая.

— Ты что, не в курсе? — как водится, мрачно прокаркал он. — На нас Хезболла напала, или Хамас, или ФАТХ, кто их там разберет. Идет срочная мобилизация, ребята уже воюют, а в армии их не кормят совсем. Все питание — за их собственный счет. Мы сейчас всей школой им продовольственный паек организовываем, это знаешь как интересно! А потом и я пойду воевать, мы уже и подготовку проходим. Так что я никуда не поеду, а ты езжай, поборись за мамин дом, может быть, он нам еще пригодится. И привет передавай Санкт-Петербургу, я хотя почти не помню его, помню, что что-то красивое.

«Я бы тоже никуда не поехал, — тоскливо подумал Сергей, — и плевать мне на Танькин дом, на войну, на Анрам с ее сумасшедшими братьями. Одно слово Эсмы, хоть какой-то от нее знак, и я навсегда здесь останусь».

На всякий случай он проверил электронную почту, мессенджеры — от Эсмы ни звука. Вдохнув, он отложил чемодан, что такое важное он может забрать отсюда, то, чего не отыщешь там? Взял лишь документы и деньги и поспешил на поезд.

Вопреки ожиданию, станция пустовала.

— Если ты на Бен-Гурион, то рейсы отменены, только зря прокатишься. Впрочем, железную дорогу тоже вот-вот закроют, — сообщил сонный охранник.

— Что же делать? — растерялся Антонов. — У меня вылет сегодня.

— Ничего не делать. Не будет твоего вылета. Беги в магазин, закупай консервы и воду, вероятно, скоро вырубят электричество, дороги отрезаны, мы попадем в блокаду.

В продуктовом, и вправду, ажиотаж: с тележками, полными воды и продуктов, люди прорываются к кассам, бранясь, пихая друг друга.

— Как мне поможет сейчас банка туны и консервированный зеленый горошек? — обреченно подумал Антонов. — Все равно все мы погибнем в ближайшее время.

— С чего ты это взял? — возразил ему маленький человечек в зеленом.

— Как с чего? — воззрился в изумлении на него Антонов. — С того, что я вижу, что сейчас происходит.

— Разве ты знаешь, что такое «сейчас»? И сможешь отличить «сейчас» от того «сейчас», которое произойдет через месяц или произошло тысячу лет назад?

— О чем это ты говоришь? Сейчас началась война, люди в панике закупают съестное, некоторые районы страны бомбят, аэропорт закрыт, что тебе еще нужно?

— «Сейчас» ничего этого не случилось. Все это произойдет через год, может быть, чуть позже. А пока все мирно, спокойно, продукты нетронутые прокисают на полках, автомобили бегут по шоссе, самолеты вылетают по расписанию.

— Кто ты? — попытался разглядеть лицо зеленого человечка Антонов. — Откуда ты все это знаешь?

— Я тот, для кого не существует границ в пространстве и времени.

— Ты Баба Сали?

При упоминании этого имени человечка аж передернуло.

— Не слышал ни о каком Бабе Сали, — раздраженно ответил он.

— Кто же тогда ты?

Не удостоив Сергея ответом, человечек отвернулся и через мгновение растворился в толпе. На месте, где он стоял, прямо на каменном полу магазина пышная, изумрудная колыхалась трава.

— Господин, вы почему безобразничаете? — набросилась на Антонова одна из кассирш. — Убирайте немедленно эту растительность, пока начальник вас не увидел.

Антонов ошалело глянул по сторонам: в магазине не было ни души, разноцветные консервные банки безмятежно громоздились на полках.

— А где народ? — промямлил Антонов потерянно.

— Какой народ? Видите — нет никого, все на работе. Вечером покупателей понабьется, а пока — покой, благодать. Собирайте травку, собирайте, вы ж разбросали.

Антонов наклонился к полу, потянул одну травину за стебель, тронул другую — корни глубоко уходили в бетонный пол.

— Ничего я не разбрасывал, — позвал он кассиршу, — попробуйте сами. Эта трава сама тут проросла.

Девушка присела на колоссящуюся посреди торгового зала лужайку.

— Вы с кем-то сейчас разговаривали? — почти испуганно спросила она Антонова.

— С человечком зеленым, пожилым таким, — попытался описать недавнего собеседника Сергей.

— И там, где он стоял, выросла эта полянка?

Антонов кивнул.

— Значит, с тобой аль-Хидр разговаривал, — задумчиво произнесла девушка.

— Он сказал, что для него не существует границ во времени и пространстве.

— Значит, точно он. Тебе что, плохо? Ты на грани отчаянья?

— Не знаю, — смущенно ответил Антонов, — не так чтоб прямо на грани...

— Видимо, все же на грани, — решила кассирша. — Аль-Хидр, как правило, посещает людей, когда им очень и очень плохо. Просто пытается им помочь.

— Но кто этот твой Аль-Хидр?

— Самый мудрый из когда-либо живущих людей на земле, раб Аллаха. Для него, действительно, не существует границ во времени и пространстве, и, несмотря на то что ему больше тысячи лет, его именем названы медресе и существуют его макамы, он жив до сих пор, путники в степях и пустынях часто его встречают, а иногда он и сам является людям. И в месте, где он стоял, всегда потом вырастает трава.

— Он добр? — наивно спросил Антонов.

— Он очень добр, он верный помощник людей. Вот и тебе зачем-то явился в трудную минуту. Зачем — только ты сам можешь это понять.

В прострации Антонов вышел из магазина. Ярко светило солнце, над головой весело шевелили огромными листьями пальмы, детишки с криками носились по детской площадке — шла обычная неторопливая человеческая жизнь. В кармане завибрировал телефон.

— Антонов, ты уехал? — смеющийся голос Тани. — Нет никакой войны. Это не беспилотники у нас, оказывается, были. Кавалер у меня шутник, напугал меня мотопарапланами, а я, дура, и поверила. Под мост меня затащил, ну и... сам понимаешь. Так ты не улетел, что ли?

— Ну? — по обыкновению мрачно пробурчал в трубку Данечка, отвечая на Сергеев звонок. — Чего звонишь? Какая война, ты что, спятил? Учения по всей стране объявили, вот мы и тренируемся на случай экстренной ситуации. А ты что, не поехал?

У двери квартиры, озаренный небесным светом, Антонова поджидал Кирилл.

— Извиниться к тебе пришел, — безмятежно улыбаясь, проворковал он, — заморочил я тебе голову, просьбами суетными тебя доставал, про тревогу рассказывал. А нет у меня никаких тревог, легко мое сердце, как перышко, и душа ликует и радуется, и не переживаю я уже ни о чем. И везти никого никуда не надо.

— Но ты, — едва сумел выговорить Антонов, — ты же умер, тебя же убили, нет тебя.

— Убили, и что с того? — рассмеялся Кира. — Каждому из нас срок свой прописан, и мимо срока этого никому прошмыгнуть не удастся, ни раньше выскочить, ни через него перепрыгнуть. И что значит меня нет? Кто знает, что есть а что, на самом деле, всего лишь видимость? Я был на приеме у великого раввина Абухацеры, и спас его от убийцы, прикрыв собственным телом, и получил смертельную рану, и скончался по дороге в больницу, и отвезли меня доктора в больничный морг, где холод царит, и металл, и простыни ледяные, и посетила меня жена бывшая с дочкой крохоткой, и плакала жена надо мной, и прощенья просила, а дочка произнесла над моим распростертым телом древние заклинания, и ручки свои махонькие возложила на мою рану, и в тот же миг затянулась рана, так что и следа от нее не осталось, и сердце мое забилося, и дыхание вернулось ко мне, и вот я здесь перед тобою стою, живой и здоровый, и прощенья у тебя прошу, и сам готов простить все что угодно, если нужно тебе мое прощенье.

Мужчины обнялись, постояли в объятиях друг друга минуту.

В кармане Антонова неуверенно пискнул мессенджер. Сергей осторожно освободился из крепких рук мускулистого, живого Кирилла, глянул на экран телефона.

Сообщение поступило от Эсмы.